

ТУРГЕНЕВ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ПИСЕМ А. П. БОГОЛЮБОВА, 1873—1883

Публикация Н. В. Огаревой

Алексей Петрович *Боголюбов* (1824—1896) был одним из интереснейших людей второй половины XIX столетия. Блестящий живописец, страстный коллекционер, неутомимый общественный деятель, он много сделал для русского искусства и народного просвещения. Огромное художественное наследие Боголюбова до сих пор мало изучено, а его выдающаяся роль в истории русского реалистического пейзажа в полной мере еще не выяснена.

Происходил Боголюбов из обедневшего рода служилых дворян. Отец его, Петр Гаврилович — ветеран Отечественной войны, умер от последствий ранений в чине полковника. Мать, Фекла Александровна, была дочерью А. Н. Радищева. Всю свою жизнь Боголюбов очень гордился дедом, а память его свято чтит. Образование Боголюбов получил в Морском кадетском корпусе. Служа во флоте, он в 1853 г. окончил Академию художеств с большой золотой медалью, вышел в отставку и был назначен художником Главного морского штаба.

Талантливейший пейзажист, маринист, основатель школы русских морских баталистов, разносторонне образованный, живой, общительный и деятельный человек, Боголюбов находился в центре культурной жизни своего времени, располагая широкими связями и знакомствами в самых различных общественных слоях России и за границей.

Он был близок с придворными кругами, царствующей семьей и с самим Александром III, достиг высоких чинов, стал действительным тайным советником и кавалером многих русских и иностранных орденов. В то же время он состоял в тесных и непосредственных дружеских отношениях с радикально настроенной интеллигенцией — с художниками И. Н. Крамским¹, И. Е. Репиным², В. Д. Поленовым³, К. А. Савицким⁴ и др. Боголюбов был убежденным и активным членом Товарищества передвижных художественных выставок. Профессор петербургской Академии художеств и член ее Совета, он неустанно боролся с царящей там рутинной, способствуя реорганизации Академии на демократических началах.

Неоценимой заслугой Боголюбова является основание им в Саратове первого художественного провинциального общедоступного музея в качестве памятника А. Н. Радищеву. Открытием Радищевского музея (1885 г.) был как бы снят почти столетний запрет с имени великого революционера. При музее, с его богатой коллекцией первоклассных русских и зарубежных произведений искусства, Боголюбов создал художественно-промышленную школу, по типу училища Штиглица. Музеем и школой Боголюбов завещал все свое состояние, на его личные средства они существовали до революции.

Боголюбов и как моряк, и как художник часто путешествовал, многие годы провел за границей, в Италии, Франции, Германии. В 1872 г. он серьезно заболел, и доктор С. П. Боткин порекомендовал ему избегать суровой русской зимы. С 1873 г. Боголюбов обосновался в Париже и лишь три-четыре летних месяца проводил на родине. Дом Боголюбова в Париже был центром, куда сходились все представители русского искусства.

В Париже, в начале 1870-х годов, произошло сближение Боголюбова с Тургеневым. Неизвестно, когда они познакомились, но только с 1874 г. их встречи становятся частыми, а отношения принимают дружеский характер. Тургенев запросто бывал в мастерской Боголюбова, а Боголюбов на правах близкого человека 7 марта 1874 г. присутствовал на свадьбе дочери Полины Виардо — Клоди, которую Тургенев очень любил.

Дружба писателя и художника не прерывалась до смерти Тургенева, которую Боголюбов воспринял как большое личное горе. «Такое чувство грусти повторилось со мной в третий раз — когда я закрывал глаза матери, другой — когда умерла жена, и третий — когда я простился с Иваном Сергеевичем», — признавался Боголюбов (см. далее, стр. 462).

В 1877 г. вместе с Тургеневым Боголюбов организует «Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже». Оно много способствовало популяризации русской культуры во Франции. Боголюбов был председателем Общества, а Тургенев — секретарем, членами-учредителями состояли М. М. Антокольский⁵, А. А. Харламов, Н. Д. Дмитриев-Оренбургский, И. П. Похитонов⁶, Ю. Я. Леман⁷ и многие другие.

Тургенева к Боголюбову привлекали главным образом его редкие человеческие качества. Все, чем Боголюбов располагал — знания, талант, целенаправленную энергию, богатство (приобретенное неустанным трудом) — все он отдавал людям, родине. Боголюбов беспрестанно испытывал потребность быть полезным и в малом, и в большом. Целых семь лет он ведет тяжбу с правительственными кругами, чтобы создать Радищевский музей. А осуществление его мечты — устройство художественной школы, потребовало двадцати лет. И это, как и многое другое, — по собственной инициативе и на личные средства⁸.

А вот пример «малых дел» — 21 января/2 февраля 1877 г. Тургенев обращается к Боголюбову с просьбой:

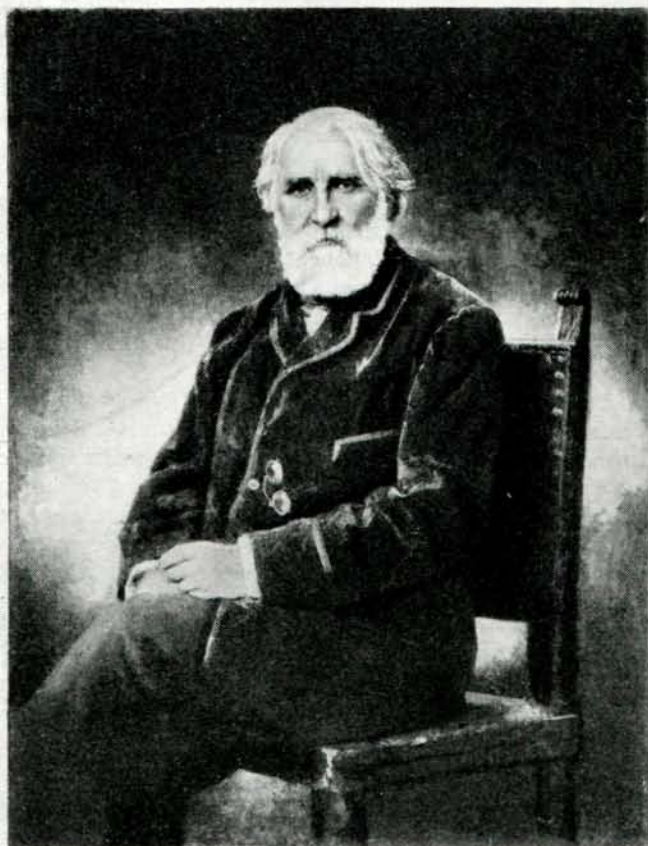
«Любезнейший Алексей Петрович, позвольте воззвать к вашей неизменной снисходительности, что я делаю тем охотнее, что податель сей записочки, Сергей Иванович Танеев, вполне ее достоин. Он — наш молодой соотечественник, отличный фортепианист и прекрасный малый; он намерен провести всю зиму в Париже — но его угораздило взять квартиру где-то за Одеоном — а все его друзья и приятели живут в наших окрестностях. Вот уже второй день, как он здесь ходит и ищет — и ничего не находит. Будьте великодушны, преподайте ему практический и дельный совет — а, может быть, вам известна такая квартира, какой он ищет? Большое я вам скажу за это спасибо — а Танеев в возмездие будет готов улаживать слух ваш всякими гармониями и мелодиями. Я бы вас не беспокоил — если б не знал вашей бесконечной доброты. Сами на себя пеняйте.

Дружески жму вам руку и остаюсь
преданный вам Ив. Тургенев»⁹

Из письма С. И. Танеева к родителям от того же 2 февраля узнаем результат: «Сегодня перед обедом зашел к Тургеневу. Он узнал, что я не нашел себе квартиры, и дал мне письмо к одному русскому живописцу Боголюбову; сказал, что этот Боголюбов оказывает всевозможные услуги русским художникам и артистам, приезжающим в Париж, и что он поможет мне найти квартиру. Я сейчас же к нему отправился. Он меня принял очень любезно и указал мне на несколько мест, где я могу себе найти квартиру. В первом же доме, куда я пошел, по его указаниям, я нашел комнату вдвое больше моей теперешней, чистую и при ней еще маленькая комнатка для умывания. Я ее сейчас же нанял...»¹⁰.

Этот незначительный, казалось бы, эпизод раскрывает многое в характере отношений Тургенева и Боголюбова.

«Переписка моя с покойным Иваном Сергеевичем не была серьезная, но все-таки между его рукописями есть несколько интересных слов о искусстве. Но более дела наши ограничивались благотворительными целями — то он меня попросит приискать что-нибудь бедняку, то я его. Почему недаром, видно, за неделю до смерти он подарил

*Алексей Петрович Боголюбову
в знак искренней
приязни от
И. С. Тургенева
Париж 1876*

ТУРГЕНЕВ

Фотография с портрета маслом А. А. Харламова. Париж, 1875. С дарственной надписью:
«Алексею Петровичу Боголюбову в знак искренней приязни от И. С. Тургенева.
Париж—1876»

Музей И. С. Тургенева, Орел (оригинал портрета — в Русском музее, Ленинград)

меня известным словом: „Любите людей, как я их любил. Я знаю, вы добрый человек!“» — писал Боголюбов Я. П. Полонскому 20 января 1884 г. (см. стр. 475).

Письма, вернее записки Тургенева к Боголюбову, находятся в ЦГАЛИ, в личном фонде Боголюбова. Их всего 17. Ранее из них была опубликована лишь одна ¹¹. В нашу публикацию они полностью не вошли, а использованы частично в комментариях.

Писем Боголюбова к Тургеневу обнаружить не удалось. В архивах Гос. Русского музея, Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Института русской литературы хранятся неизданные письма Боголюбова к В. В. Стасову, И. Н. Крам-

скому, Я. П. Полонскому, касающиеся Тургенева; мы привели их в приложении к нашей публикации. Почти на все эти письма имеются ответы в корреспонденции Боголюбова, которая составила основу его обширного личного архива, завещанного Радищевскому музею, а сейчас хранящегося в ЦГАЛИ.

Кроме огромного художественного наследия (только исполненных маслом произведений около двух тысяч), кроме обширной переписки, Боголюбов оставил увлекательные воспоминания — «Записки моряка-художника».

По завещанию Боголюбова «Записки» поступили в Отдел рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. Боголюбова; состоят из шести тетрадей и насчитывают более двадцати авторских листов) и до сих пор не изданы.

Боголюбов начал свои «Записки» 25 декабря 1881 г. в Париже и продолжал до самой смерти. Они изобилуют описаниями событий, поездок, встреч, которыми с детства была богата судьба художника.

Написанные легко, в разговорной манере, живым, остроумным языком (как он сам признавался: «... пишу незлобно, а так, слогом веселого человека, любящего анекдоты»), воспоминания Боголюбова полны яркими образными зарисовками характеров и судеб его современников — писателей, художников, сановного чиновничества, придворного быта.

В «Записках» Боголюбова много страниц посвящено Тургеневу. Они рассыпаны по нескольким тетралям (1, 4, 5). Некоторые эпизоды и размышления, например, по поводу смерти и похорон Тургенева, записаны сразу, после проводов гроба с телом Тургенева из Парижа в Россию, а многое — спустя десятилетие, в 90-х годах.

Свои воспоминания Боголюбов основывает на личных наблюдениях и со слов близких к Тургеневу людей — П. В. Анненкова¹², А. А. Мещерского.

Особый интерес представляет описание отношений Тургенева с Полиной Вярдо. Боголюбов не только оправдывает этот союз, но считает его совершенно естественным, достойным таких выдающихся людей, и счастьем для Тургенева. «Много людей русских бранят m-me Вярдо, — пишет Боголюбов <...> — Я не стою на их стороне и не думаю так, благодаря тому, что, бывая в их доме, мог вглядываться в интимную жизнь Ивана Сергеевича <...> Ивану Тургеневу надо было жить и любить своеобразно, так, как он своеобразно бросил взгляд на все, что сотворил, и тем себя увековечил. А деньги, дачи, дома, имущество, оставленное им, — все это вздор, все это бледно перед 42-летним чувством привязанности и хоть единым мигом наслаждения ума и сердца, который ему дала m-me Вярдо» (см. стр. 464).

Каким светлым чувством проникновенного понимания Тургенева-человека и уважением к нему веет от этих слов! Не раз Боголюбов выражает и свое преклонение перед Тургеневым-художником — «перо» его называет «могучим», «золотым».

Искренность и объективность Боголюбова в обрисовке друга сказалась в том, что Боголюбов не утаил своего отношения к Тургеневу как знатоку искусства. Он прямо говорит, что «...строгим и глубоким критиком и знатоком искусства Тургенев, по моему, никогда не был» (см. стр. 454). Эту мысль подтверждает Боголюбов на многих примерах. Один из них — увлечение Тургенева картиной М. Мункаши «Христос перед Пилатом». А величия творения А. Иванова «Явление Христа народу» Тургенев не понял: «... мне стало грустно, что Иван Сергеевич так малосознательно делал свои заключения о гениальном, вполне русском художнике А. А. Иванове! А что сказано таким авторитетом, как он, то, пожалуй, и будет принято за непреложную истину» (см. стр. 453).

Подобное суждение о Тургеневе не новость, и в литературе этот вопрос получил уже освещение. Зато Боголюбов высоко ценил влияние мастерства Тургенева-писателя на художников, в частности на развитие реалистического пейзажа, что он и выразил в своей речи, сказанной от Общества русских художников в Париже во время проводов гроба Тургенева в Россию 1 октября 1883 г.:

«Я не буду говорить о литературных заслугах великого нашего художника-писателя, только сейчас блестяще и верно оцененных речами гг. Ренана, Эдмона Абу и Вырубова. Но скажу, какое громадное влияние имел Иван Сергеевич как художник-писатель на среду художников, которых он так горячо любил и покровительствовал.

«ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА РУССКИМИ ХУДОЖНИКАМИ У БОГОЛЮБОВА В ПАРИЖЕ»

Рисунок Н. Д. Дмитриева-Оренбургского (сепия). Париж, 1875

Среди присутствующих изображен Тургенев (в центре)

Музей им. А. Н. Радищева, Саратов

Всем известно, что в Париже существует наше небольшое Общество, основанное в день достопамятного взятия Плевенского. Возникновением своим оно немало обязано Тургеневу как главному учредителю, постоянному члену Комитета и секретарю, звание и обязанности которого он предложил взять на себя без всяких просьб и до конца жизни, несмотря на свои серьезные труды, всегда находил время заняться нашим делом. Добрага души его и всегдашняя готовность помочь ближнему, столь тесно связанные с богатой его натурой, известны каждому, но долг мой заявить всем, что не было из нас ни одного человека, который ушел от него неудовлетворенный помощью нравственно или материально. В беседах своих с нами он был всегда прост, часто весел, а когда читал нам что-либо из своих сочинений, то действовал на чувства чарующим влиянием. Перейду теперь к Ивану Сергеевичу как высокому знатоку художества. Золотое перо его, подобно кисти при богатой палитре художника, изображало ясно в его творениях, речах ту неуловимую прелесть природы, доступную только такому мастеру, каков был Тургенев. Фон картин его (ежели могу так выразиться) был всегда верен, никогда не вымучен излишнею выработкою, но закончен настолько, чтобы читающий усвоил прямо идущие в душу подробности. Кто из нас не дышал свободно, полною грудью, читая описания деревенского шумного утра с дрожащею, как алмаз, на листе росой. А его беспредельные поля, тенистые рощи, его болота и пруды, поросшие водорослью! И в этом-то знакомом нам пейзаже, также верно и сильно двигались созданные им народные типы, это живые люди, это наш край родной с его подчас грустною прелестью, но ведущею к светлой будущности <...>

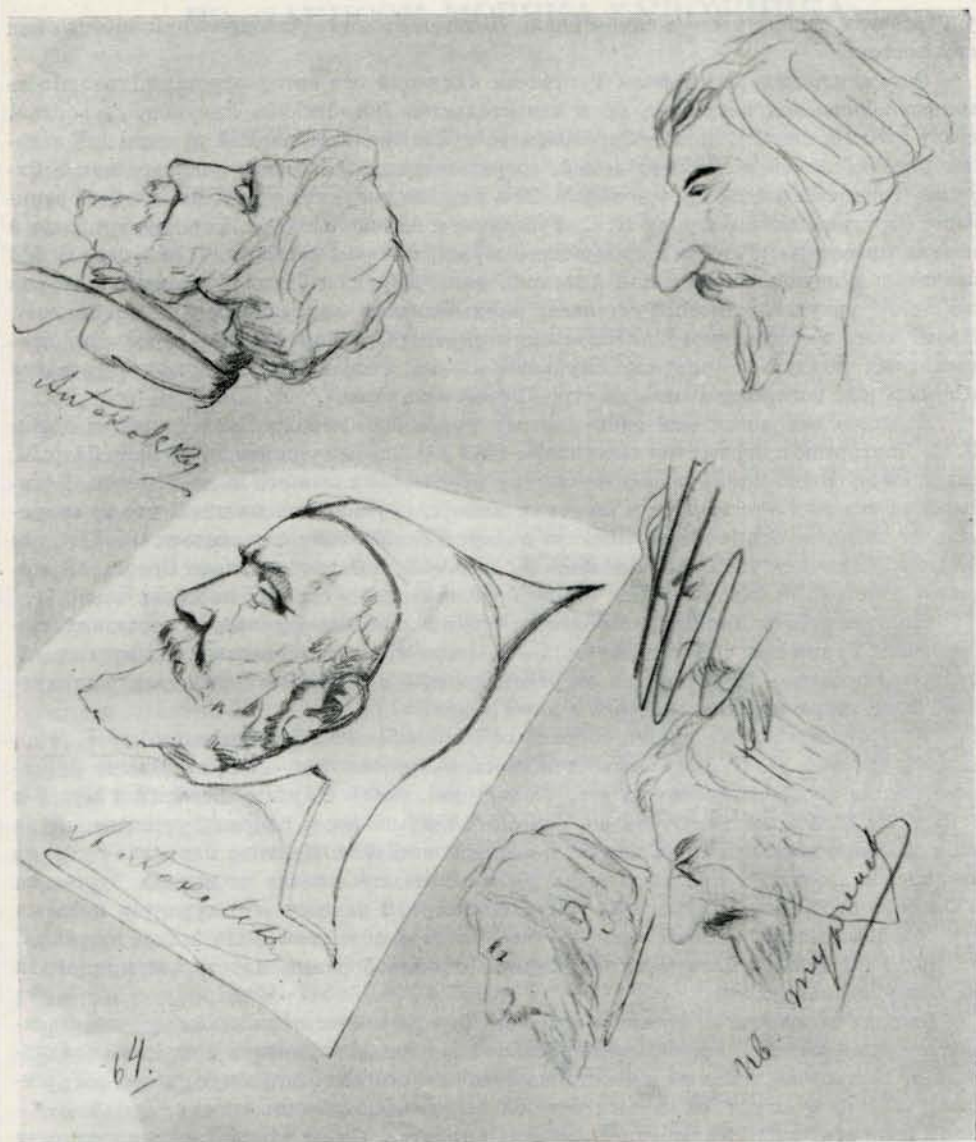
Женщина, изображенная Тургеневым, истомлена трудом и горем, только печалью терзает душу, но она не безобразна. Мужик не тонет постоянно в бесповоротном потоке, но он могуч в беде своей, разумен и силен. И в этом-то творчестве он является истинным добрым гением, указывающим художнику тот верный изящный путь родных бытовых сцен, по которому уже идет наше молодое поколение и пойдет всегда тем же честным трудом своего учителя, упрочивая славную и вечную память Ивана Сергеевича Тургенева!»¹³

Будучи увлеченным коллекционером и боготворя Тургенева, Боголюбов собрал много интересных материалов, относящихся к писателю. В экспозиции Радищевского музея до революции имелся так называемый «Уголок Тургенева», где были сосредоточены его личные вещи, переданные Боголюбову Полиной Виардо: письменный стол с креслом из его парижского кабинета, костюм (мантия и шапочка) доктора Оксфордского университета, охотничий ягташ. Большую ценность представляли гипсовая маска и слепок с руки Тургенева. Наряду с этим выставлялись автографы, рисованные и гравированные портреты Тургенева, его фотографии. Среди них выделялся терракотовый бюст писателя работы Антокольского. После ряда реорганизаций Музея почти все тургеневские экспонаты были переданы в Орловский музей, но и сейчас в Музее им. А. Н. Радищева имеются вещи, которые обогащают иконографию Тургенева. Здесь, прежде всего, следует упомянуть его автопортреты.

Известно, что с молодых лет писатель любил рисовать. На небольшом, пожелтевшем от времени листе бумаги (размером 28 × 23,5 см) графитом нарисовано пять профилей Тургенева и один — волна в шлеме. В правой части листа размещены четыре рисунка, сделанные самим Тургеневым. Под одним из них имеется его подпись: «Ив. Тургенев».

Все четыре автопортрета однотипны — профиль в повороте налево. Они исполнены заученными приемами. На всех совершенно одинаково линия лба переходит в очертание носа. Одинаково изображаются глаза, брови, усы, борода и прическа.

Глядя на эти портреты, видно, что Тургенев, не будучи профессиональным рисовальщиком, но часто зачерчивая свой профиль, постепенно набил руку и научился передавать сходство, несколько шаржируя черты лица — увеличивая нос, делая его толстым и вислым. Второй сверху профиль — не окончен, в нем одной непрерывной линией нарисованы только лицо и борода, а затылка и волос нет. Видно, что портрет не удовлетворил автора и он резко перечеркнул его, сильно нажимая карандаш. Автопортреты Тургенева передают его уже пожилым, грустным, задумчиво сосредоточенным.

ТУРГЕНЕВ

Автопортреты (справа) и рисунки М. М. Антокольского (карандаш).
Париж, конец 1870-х годов

Музей им. А. Н. Радищева, Саратов

Пятый профиль Тургенева (левая часть листа) нарисован Антокольским (подписан). Это беглый набросок, в нем сразу видна рука мастера, хорошо чувствующего красоту головы Тургенева.

Антокольский нарисовал еще один профиль — образ старого воина в шлеме, грозного, мужественного и в то же время вспыльчивого и капризного. В этом лице привлекает сложное выражение, будто бури пережитого запечатлены на нем. Рисунок воина (тоже подписной) сделан на другом листе бумаги, обрезан и приклеен к основному.

Когда исполнены эти рисунки, установить не удалось. Бесспорно, что они делались в Париже — или в клубе Общества русских художников, или на одном из вечеров

у Тургенева, скорее всего в самом конце 70-х годов, когда Антокольский работал над его бюстом.

О том, что четыре профиля Тургенева являются его автопортретами, говорит не только подпись под рисунком, но и свидетельство Боголюбова. Рисунок, вероятно, сразу попал к нему. В архиве Саратовского музея хранится первый рукописный каталог боголюбовской коллекции вещей, сосредоточенных в Москве для передачи в Саратов (составлен в 1882 г.), где под № 29 в разделе рисунков рукой Боголюбова записано: «Оригинальный рисунок И. С. Тургенева и Антокольского». То же утверждает и первая инвентарная книга Радищевского музея, начатая в 1885 г. В ней под № 564 значится: «Рисунок карандашом Антокольского, набросок бюста Тургенева и на том же листе рисунок самого Тургенева, нарисовавшего свой портрет в карикатуре». Кроме этого нарисованного Антокольским портрета, в Саратовском музее есть превосходный подписной рисунок скульптора — иллюстрация к рассказу Тургенева «Стучит» (см. воспроизведение на стр. 475 настоящ. тома).

В Музее находится еще один портрет Тургенева, исполненный тушью и пером Э. К. Липгартом в первых числах января 1883 г.¹⁴ Здесь Тургенев изображен бодрым, сидящим спокойно, откинувшись на спинку кресла, но глаза его полны печали. Богатырский его рост чувствуется в широких плечах, крупная голова имеет что-то значительное, львиное. Этот портрет Липгарт подарил Боголюбову с надписью: «Liphart, rue de Douai. Janvier 1883. Au fondateur du musée de Saratow monsieur Bogoluboff son reconnaisant E. de Liphart» * (см. его воспроизведение на стр. 465 настоящ. тома).

Портрет работы Липгарта, вероятно, считался наиболее удачным из последних изображений Тургенева, с него даже была исполнена гравюра. С нескольких других рисунков Липгарта — Тургенев на смертном ложе, — в целях широкого распространения, были также сделаны гравюры и литографии.

К тургеньевским реликвиям, собранным Боголюбовым в Радищевском музее, относится и картина Н. К. Бодаревского «Спасское-Лутовиново» — вид на имение Тургенева (см. ее воспроизведение на стр. 17 настоящ. тома). Картину подарил в Музей в 1889 г. П. М. Третьяков. Очевидно, она была создана после смерти Тургенева, когда всем особенно хотелось иметь память о великом писателе. Картина написана сухо, но не лишена поэзии. И при взгляде на нее вспоминаются слова из письма Тургенева к Флоберу от 22 июня/4 июля 1876 г. из Спасского: «Я нахожу, что характер пейзажа тут бледный: небо, зелень, земля — все бледно, с теплым золотистым оттенком. Это было бы только мило, если бы ширина и однообразный простор не придавали бы всему величия...»¹⁵

Боголюбов прекрасно понимал значение Тургенева-писателя и как соотечественник гордился им. В то время, когда русские современники считали Тургенева «западником», Боголюбов, живя рядом с ним на чужбине, особенно остро чувствовал в Тургеневе русского человека, сознавая его европейскую масштабность.

Как мемуарист, Боголюбов прежде всего правдив. Он не утаивает ограниченности воззрений Тургенева на изобразительное искусство, зависимости его мнения от моды и влияния окружающих людей.

И в «Записках», и в своей корреспонденции Боголюбов подчеркивает пристрастие Тургенева к искусству, дружбу с художниками и свою личную с ним дружбу, но делает это на редкость нелицеприятно.

Отрывки из «Записок моряка-художника» печатаются нами по автографу, хранящемуся в ГПБ.

Собирая воедино все о Тургеневе в воспоминаниях художника, мы столкнулись с многократными повторениями и неожиданными отступлениями. Чтобы придать воспоминаниям хронологическую последовательность, пришлось смонтировать многие куски и прибегнуть к введению датировок там, где это оказалось возможным.

* «Э. де Липгарт, улица Дуэ. Январь 1883. Основателю Саратовского музея господину Боголюбову признательный Э. де Липгарт» (франц.).

ИЗ «ЗАПИСОК МОРЯКА-ХУДОЖНИКА»

(1873—1876 гг.)

Вступив в 1873 год, я нашел в Париже целую плеяду наших молодых и весьма даровитых художников. Пенсионерами Академии были гг. Репин, Поленов. А. К. Беггров был прислан ко мне учиться Морским министерством. Были еще гг. Савицкий, Леман, Харламов — пенсионер, Шиндлер¹⁶, Дмитриев, назвавший себя Оренбургским, только для того, чтобы его отличали от Кавказского.

После прибыл Васнецов, пенсионер Ковалевский и из Рима Антокольский. Художники-архитекторы Лавецари, Громме, Князев (любитель) и художники Добровольский, Егоров, Ропет. Проживал там же, учась у Жерома, В. В. Верещагин. Со мной он был еще тогда знаком¹⁷. И вскоре появился талантливый И. П. Похитонов.

Центром сборища всей этой публики был генерал Дмитрий Александрович Татищев¹⁸ и я. К Татищеву ходили завтракать по воскресеньям, а у меня бывали вторники <...>

Мои вечера отличались от татищевских сходок простотою и веселостью, заходили ко мне разные художники, французы Бонна, Жан Поль Лоранс, Жером и пр. Частенько у меня были музыка и пение. Душою этого был художник Доливо-Добровольский — милый тенор. Он мне приводил своих знакомых. Ревел басом Шукало, провинциальный певец, и прочие доморощенные артистки и артисты. На этих вечерах бывал часто И. С. Тургенев, гр. Толстой («Князь Серебряный»), П. В. Анненков — друзья Тургенева, актеры Бурдин, В. В. Самойлов и пр. Все это было без программы и удавалось превосходно. Иногда и танцевали, ибо были девицы очень миловидные, хоть бы три сестры Ге¹⁹. Такие сборища держались у меня года четыре²⁰. Раз мои приятели выгнали меня на 24 часа из моего жилища и впустили только на другой день в 9 часов вечера. Сюрприз состоял в костюмированном вечере и хороводе. Тут мне было поднесено блюдо с хлебом и солью работы моих юных товарищей с надписью: «Нашему хорошему Алексею Петровичу от его почитателей художников». Блюдо это я передал в мой Радищевский музей со всеми моими редкостями. После шли живые картины с прекрасно написанными декорациями гг. Поленовым, Шиндлером и Репиным. В хороводе ходила коза-плясун (Савицкий), а А. К. Беггров водил медведя (Шиндлера), который превосходно исполнял роль господина Топтыгина. Замечательны были также портреты И. Е. Репина с прорезными головами, куда вставлялись живые лица. Д. А. Татищев изображал Петра Великого, да так хорошо, что все мы орали от удовольствия. Впоследствии я отдал эти прорези е. и. в. в. кн. Николаю Александровичу²¹, но не знаю, забавляет ли его этак прекрасным художеством его воспитатель.

В живых картинах участвовали красавицы г-жи Ге — «Тамара и Демон» и г-жа Маковская, что тоже наполняло мою мастерскую продолжительным восторженным криком²².

На этих вечерах читались впервые переведенные стихотворения М. Ю. Лермонтова на французский язык и были вполне одобрены И. С. Тургеневым и Анненковым. Иван Сергеевич тоже иногда неподражаемо читал что-нибудь свое новенькое. Надо ему отдать справедливость, что он умел возбудить к себе всеобщее обожание <...>

Благодаря Ивану Сергеевичу Тургеневу русские художники имели постоянно вход в дом и на вечера знаменитой m-me Полины Виардо, где случалось слушать превосходную музыку, самых лучших артистов и слышать знаменитых певцов и певиц. В это время Тургенев обладал цветущим здоровьем, был всем любезен и замечательно способен устраивать

всякого рода веселые игры²³. Будучи еще молодым офицером, я слушал m-me Виардо в Итальянской опере в Петербурге и с тех пор, не будучи вовсе музыкальным, всегда носил неизгладимое впечатление от ее голоса, который при превосходной игре очаровывал всех, кто только ее знал <...> Я впервые просто приходил в телячий восторг от Полины Гарсии. И для меня после нее никогда не было такой певицы, гениальной, музыкальной и драматической актрисы, как она. Позднее я уже был с ней коротко знаком через И. С. Тургенева и думал, что мне не раз придется говорить об этой изрядной женщине. Как теперь помню, что это был за праздник, идти в оперу слушать «Севильского цирюльника» и видеть ее в роли Розины! А в «Пророке»²⁴ как она была величественна! Да, словом, везде гений был с нею, давая всем полное очарование! М-me Виардо не была хороша собой, но была стройна и даже худощава. У нее до старости были чудные черные волосы, умные бархатные черные глаза и матовый цвет лица, какой видно у природных испанских цыганов. Рот ее был большой и безобразный, но только что она начинала петь, о недостатках лица и речи не было. Она буквально вдохновлялась, являясь такою красавицею могучею, такой актрисой, что театр дрожал от рукоплесканий и браво. Цветы сыпались на сцену, и в этом восторженном всеобщем шуме царица сцены скрывалась за падающим занавесом.

Я видел тоже и Фанни Эльслер. Конечно, не так, как англичанин, осматривающий у нее могилу герцога Рейхштадского, но на сцене. Она была очаровательно грациозна. Случалось видеть и Рашель не раз в жизни с ее греческой скульптурной грацией и чарующей речью. Но Полина Виардо для меня всегда была выше всех в сценическом наслаждении <...> Конечно, той прелести звука уже не было при ее настоящем пении, но манера говорить романсы, а в особенности испанские песни, была у нее в это время очаровательна. Узнав ближе Ивана Сергеевича и видя его слушающим пение обожавшей им женщины, которой он посвятил всю свою жизнь, я смотрел на них обоих с чувством глубокого уважения, и, вопреки всем толкам и пересудам наших россиян, ругавших ее цыганкой, похитившей нашего Тургенева, скажу, что он был счастлив по-своему, и бахвал тот человек, который подвергал дерзкому суждению таких двух гениальных личностей, каковы были он и она!

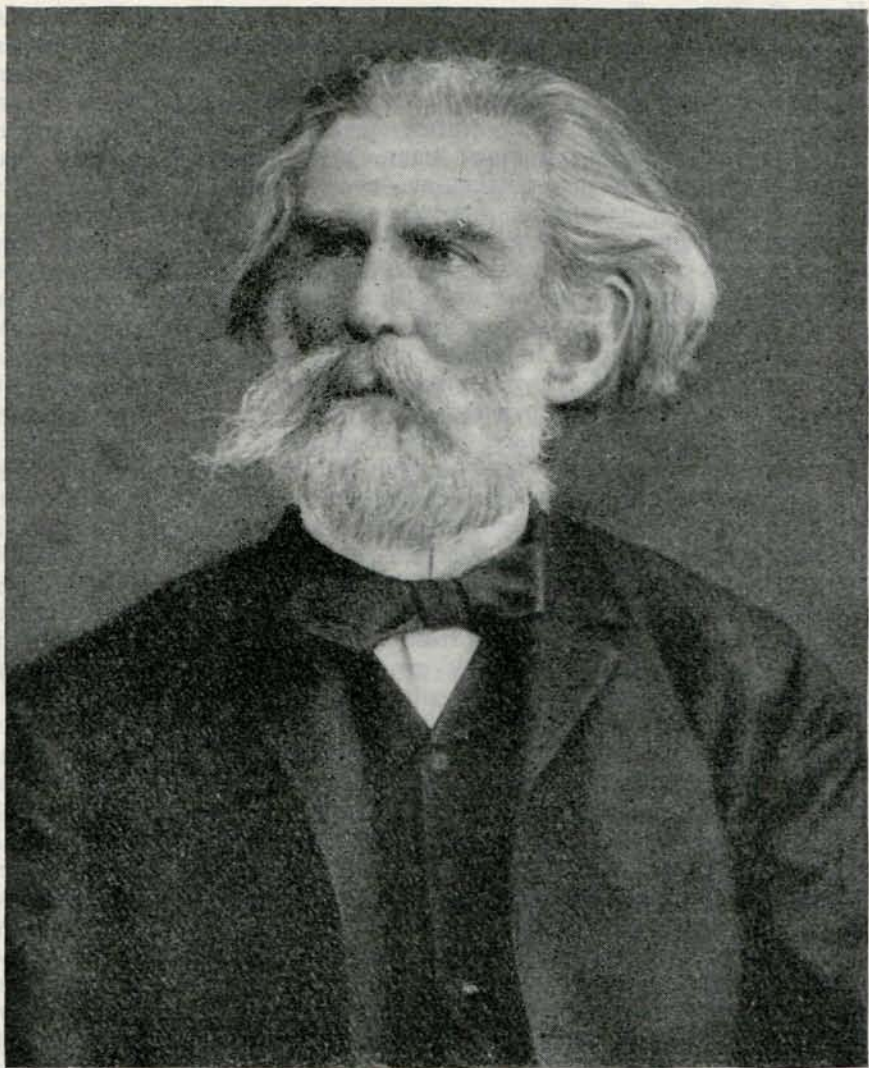
В доме у Виардо я познакомился с музыкантами Сен-Сансом, Сарасатом (скрипачом), с Золя, Полем Бурже, Ренаном и пр. Все шло под эту кровлю высокого художества, считая честью быть у гениальной певицы и музыкантки <...>

Бывали тут и литературные утра, организованные И. С. Тургеневым для усиления средств русской учащейся в Париже молодежи, которую он поддерживал, не зная отказа, причем иногда был бессовестно эксплуатирuem...

<1877 г.>

На осень я снова отправился к себе в Париж²⁵. Стояла и тут чудная осень, а потому я всласть поработал этюды в Овере на реке Уазе, где когда-то жил знаменитый Добиньи.

До сих пор в Париже были только частные сходки художников в мастерской художника Н. Д. Дмитриева (Оренбургского). Но радостная весть, что Плевна пала, что война шла к концу, нас ободрила, и мы порешили, в день ее взятия, основать в Париже «Общество взаимного вспомоществования русских художников»²⁶. Сейчас собрали картины, рисунки для лотереи, которую успешно разыграли благодаря нашему члену П. В. Жуковскому, который ловко всучивал на тысячи франков билеты своим американским друзьям.

А. П. БОГОЛЮБОВ

Фотография, 1880-е годы

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Выделили из всего 5 тысяч франков и отправили их через графа Адлерберга (министра Двора) государю императору, прося принять для ранних нашу лепту от нового Общества русских художников в Париже. Получив благодарственный ответ, мы получили и гражданство. Написали устав, над которым немало потрудился И. С. Тургенев, как секретарь, и барон Гораций Гинцбург²⁷, как кассир. Князь Орлов принял председательство Общества <...> Все художники и много русских сделались членами плевненского достопамятного дня. Тут материально много помог нам барон Гораций Осипович Гинцбург. У него был сын, художник, который, к несчастью, умер. И он отдал нам его мастерскую как даровое помещение и положил первый денежный фонд для составления капитала Общества²⁸ <...>

Иван Сергеевич Тургенев увековечил себя тем, что был секретарем нашего парижского Общества русских художников, где он состоял и основателем и, конечно, являлся самой крупной единицей на всех наших вечерних собраниях, которые он любезно посещал с полным простодушием своей богатой натуры. Бывало, станет он читать что-либо из своих сочинений — все замрет кругом, и мы жадно ловим каждый его жест руки и не налюбujemy на выразительность его глаз и лица.

Подчас велись и рассказы, почти всегда шуточные, полные русского юмора. Но редко говорилось о художестве в смысле его критики. Однако раз в силу того, что я сообщил несколько моих наблюдений над А. А. Ивановым, схваченных в Риме и Париже²⁹, которые подтверждали те же самые описания чудака-художника, напечатанные у Ивана Сергеевича в его рассказе³⁰, Тургенев невольно перешел к оценке его картины «Явление Спасителя народу». И тут так же, как и в печати, утверждал, что Иванов только был труженик, пожалуй, мыслитель-идеалист, но самобытным никогда не был и нового ничего не проявил, что, пожалуй, следует идти его путем труда и честности художественной, но все-таки надо «создавать себя», но не быть подражателем. Последнее, пожалуй, справедливо, но общее положение Ивана Сергеевича об Иванове совершенно ложно, Иванов был классический деятель, полный глубокомыслия, несмотря на свои фокусы и причуды. Тургенев хотел от него блеска красок, движения фигур, но это не была задача, которую взял для исполнения художник, который, точно, не блистал колоритом, но обладал в высшей степени подражанием натуре и владел самым строгим рисунком, разве присущим Энгру.

Взгляните на его пейзажи, на уголок воды, радужно дробящейся кругами около нагих фигур, взгляните на оливы, даль картины, и, право, только слепой скажет, что это не натурально и не глубоко прочувствовано. Есть люди, которые бросали в лицо Иванову упрек, что, 23 года работая картину, можно было съездить в Палестину, но не в римскую долину Фраскати. И это вздор! Художник воспроизводит природу, какую он чувствует и в которой живет. И картина его, будучи умна и писана с натуры, с строго выполненным историческим сюжетом, уже есть произведение великого творчества! Тициан, Рафаэль, Поль Веронез и прочие великие мастера не стеснялись несколько писать священную историю в своих венецианских и римских палаццо или флорентийских и других пейзажах. А. Иванов за то же подвергался упреку, когда всякая его фигура, начиная от Христа и кончая угловатым, синим от дрожи и холода рабом, дышит правильностью форм и одиночного выражения, что и составляет неоспоримое целое! Не продолжать дело, начатое художником Ивановым, надо русским художникам, как это говорит Иван Сергеевич, но изучать его во всех отраслях с полной добросовестностью и быть им. Вот что должно стать бесспорно истиною для молодого поколения, забывая краски, яркость которых пройдет со временем, как это мы видим в древних мастерах, перед которыми все-таки преклоняемся и которые будут жить вечно вместе с картиною Иванова!

Никто меня не может осудить, что я не был рьяный поклонник и обожатель покойного Ивана Сергеевича! Все знали, что я пользовался его вниманием до конца дней, а потому, ежели позволяю себе сказать о нем свое мнение относительно только художественной его оценки картин, то высказываю впоследствии моего многолетнего наблюдения, никак не отнимая от него, что в его описаниях природы есть та высокая наблюдательность и красота, которую дай бог видеть каждому художнику, и при том умении выразить ее на холсте, как это он делал своим могучим пером³¹.

Всем известно, что натура Ивана Сергеевича была сильно впечатлительная и даже с подчинением тому человеку, в которого он уверует

(Белинский, Пушкин, Анненков, граф Толстой, Виардо и пр. и пр.). Таким был около него много лет Луи Виардо, умный и глубокий изучатель двух школ по-преимуществу — староиспанской и голландской. Благодаря своему знанию Виардо собрал у себя почти задаром весьма почтенную коллекцию, посещающая постоянно Отель Друо, куда часто хаживал с женою и Иваном Сергеевичем³². В это время Тургенев был любителем только древних картин, и я у него видел картины Ван Гойена, Тербурга, Мейериса³³, Теньера³⁴ и других. Но вскоре он их разлюбил, и они незаметно сменились Руссо³⁵, Добиньи³⁶, Харламовым, Коро³⁷ и другими мастерами школы 30-х годов. Тут Иван Сергеевич подчинился моде. Не раз случалось бывать мне с ним и Виардо в парижских салонах. И здесь-то я убедился, что Тургенев никогда не смотрел своими глазами, но всегда приглядывался к мнению Виардо и публики. Помню еще, когда торгош картинный Зедельмейер, державший на откуп за 150 тысяч франков в год венгерского художника Мункачи и при диарамическом свете, окружив публику тьмой и бросив яркий свет сверху на картину «Христос перед Пилатом», собрал к себе в залы лучшую парижскую публику³⁸, куда и я попал благодаря м-г Виардо. Как тогда все шепотом говорили: «Да это чудо! Это колоссальное произведение!» То же слышал я и от Ивана Сергеевича. Конечно, картина была нова, блестяща по краскам, представлена как нельзя лучше. Но когда случилось ее видеть в другом свете и когда пришлось перейти от блеска к разбору композиции, а главное, рисунка, то мало от нее осталось хорошего.

Христос здесь — озлобленный каторжник, смело смотрящий на Пилата и, ежели бы ему развязали руки, то так бы и впился он в жирное туловище римского правителя. Правда, позади видна разъяренная толпа, она шевелится, фарисеи характерны по лицам, но не по костюму, который театрален. А постройка перспективы здания даже крива и безграмотна. Ну, и вспомнил я тут тусклую, пожалуй, без блеска, картину Иванова, вспомнил лик Спасителя, Иоанна, и мне стало грустно, что Иван Сергеевич так малозаметно делал свои заключения о гениальном, вполне русском художнике А. А. Иванове! А что сказано таким авторитетом, как он, то, пожалуй, и будет принято за непреложную истину.

В воспоминаниях об А. Иванове в самом начале, где три «форестьера» едут в Альбано, Иван Сергеевич говорит, что после Клод Лоррена нам никто, ни пером, ни кистью, не мог передать римской природы. Тут он опять забыл своего спутника, которого совершенно неосновательно обзывает «идеалистом», тогда как в труде своем Иванов был всегда полнейшим реалистом. Слово идеал есть, по-моему, далеко неприличное слово, навязанное тому, кто верно воспроизводит все с природы, без отступлений, что подтверждают все этюды с натуры Александра Андреевича Иванова в галерее П. М. Третьякова, целиком помещенные в картине «Явление Христа». Клод Лоррен был идеалист, это несомненно, и поэт в живописи, как его называют некоторые, но не я, ибо, по-моему, поэзии нет ни в художестве, ни в литературе. Это слово дико условное, а ее составляют высший реализм, прекрасно сплоченный тонким вкусом и наукою, но строго взятый с натуры, с жизни, с помощью зрения и ума человека, ибо все, что есть бред воображения, то, по-моему, нелепо и неясно для ума твердого. Клод Лоррен давал всегда произведения, скомонованные, составные, гнули иногда дуги непарные насчет перспективы, пихал в свои фоны пять, шесть планов. Там были и моря с кораблями, острова, ближе — рощи с двориками, каскады, опять вода и берег, заполненный длинными, по тогдашнему времени грациозными барынями, и полунатными мужчинами высшего тона, уносящими рыбу или просто беседующими. Все это в общем было стройно, гармонично, блеск солнца и туманные дали были, точно, обворожительны. Но правды божьей, натуры

ивановской, тут искать нельзя. Хотя в эпоху, когда Иван Сергеевич Тургенев писал свои воспоминания, то во Франции уже жили Руссо, Коро, Добиньи, Тройон, Марилла, Декан и Мейсонье, а в Дюссельдорфе братья Ахенбах, которые тоже писали Италию со всеми ее не-искаженным прелестями, но о которых Иван Сергеевич не помышлял, руководясь традициями своего первоначального воспитания. А потому строгим и глубоким критиком и знатоком искусства Тургенев, по-моему, никогда не был...

<1880 г.>

Иван Сергеевич жил в Буживале на своей даче «Les Frênes». Тут же находилась дача его родичей, детей и жены покойного Николая Ивановича Тургенева, известного литературного деятеля-декабриста. Это не были его близкие родственники, а почти однофамильцы <...>

Как мне говорила m-ше Тургенева, Иван Сергеевич был у них лет 45 тому назад первый раз в Швейцарии, студентом. И с тех пор отношения их были никогда не близкими, но всегда самыми дружескими. Судьба свела их ближе в Буживале. Семья Тургеневых, надо сказать, была весьма патриотичная, замкнутая, но крайне почтенная. По смерти Николая Ивановича они еще более замкнулись. Дети оперились, мать свято охраняла их своими заботами от всякой неприятности и уж чересчур, как говорили их знакомые. Сам Иван Сергеевич не иначе выражался про них: «Это мои прекрасные, но скучнейшие кузены». У кузенов и кузин имение все принимало более и более громадные размеры. Они скупили более 125 клочков земли около своего шато, что составило, поди, 100 десятин земли с лесом и садом и виноградниками. Последний крайне их занимал, хотя был самого плохого свойства, как и все окружные Парижу. Но примерно так, что свое серебро всегда лучше чужого, в октябре, при сборе, на который всегда приглашались друзья и близкие знакомые, из учтивости все хвалили вино и фрукты. Бывал тут и Иван Сергеевич в райском расположении духа. Когда половина подогретых рабочих пошла на место преступления с ножами, ножницами — обрезалками и корзинами, то перед распределением труда они говорили как взяться всем разом. Вдруг послышался тоненький, но резкий и сильный голос: «Постойте, постойте, господа и госпожи!» — кричал Иван Сергеевич. — Замолчали. — «Прежде всего я вам скажу мое размышление. Вдумайтесь в него, оно, кажется, справедливо. Ведь виноградник наших дорогих хозяев все-таки отвратительный, а вы его хвалите. Ну как тут не сказать, что господь бог вполне несправедлив в этом случае, когда такая дрянь нравится! А чудные плантации Бордо и Шампани теперь от этого бича страдают!» Громкий хохот с гиканьем огласил поле, все весело разбежались по грядам, а вечером за обедом только и дела было, что разговор вертелся на тему добродушного размышления Ивана Сергеевича, на что он отвечал с полным свойственным ему юмором, забавлявшим веселую компанию до конца сходки <...>

Иван Сергеевич, когда бывал в духе, а в особенности за столом, любил рассказывать нецензурные былины. Окруженный молодежью в нашем парижском клубе художников в 18 rue Tilsitt, он бывал тоже очень весел и, сколько могу упомянуть, не раз от него случалось слышать облюбованный им рассказ про бабу, укорявшую при своих товарках прогара-забудыгу мужа, только что пробудившегося с похмелья. Дело шло о том, что хата и семья страдала от разгула отца, пропивавшего частенько не только что сапоги, но даже портки. В таком виде стоит мужик, запустив пятерню в свою волосину, а бабы все галдят вокруг него. Наконец

Fontaine

[illegible]

Тургенев был одним из основателей Общества русских художников в Париже и его секретарем

терпение мужика лопнуло и на все укоры и ругань жены он только ответил: «Ну да, позавчера был пьян и сегодня опохмелился, а не кажинный же день пью, что ты врешь дура — х... посудина этакая!» Последнее выражение он считал высокою живописью с натуры русского человека и прибавлял «непереводимо, сильно и верно!»

В другой раз случилось мне с ним обедать за Сеной в известном ресторане Латинского квартала «Пуаро». Тут были художники-пенсионеры Поленов, Репин, Татищев, Вырубов и еще два-три знакомых. Иван Сергеевич тогда был совсем здоров (хотя иногда страдал подагрой). Стол был простой, но сытный, вино не высших цен, но доброе. Когда подали кофе, коньяк, ликеры, то разговор шел на тему поверий и предрассудков самых тупоумных. В силу чего Иван Сергеевич рассказал следующее:

«...» Какой-то досужий человек спросил однажды Ивана Сергеевича — «Ну, как вы себе представляете чёрта?» — «Да я, по правде, об этом никогда не думал, — ответил он, добродушно улыбаясь, — но желал бы слышать ваше мнение». — «Ну, так вообразите себе господина с одной ноздрей и без спины — ну и вот он и есть чёрт». — «Глупо, но занятно», — сказал Тургенев. И очень часто задавал эту задачу, когда бывал в веселой компании, своим слушателям «...»

Раз как-то «...» Иван Сергеевич слышал рассказ от гр. Григория Александровича Строганова о том, как исправник в мундире и треуголке в каком-то городке России сопровождал его даже в баню. И в то самое время, когда солдат-банщик дошел с мыльной мочалкой до омоения причинного места, бдительно следя в щелку двери, не утерпел,

ТУРГЕНЕВ НА ОХОТЕ

Шарж А. П. Боголюбова,
декабрь 1879 г.

Воспроизводится с фотографии
парижского фотографа
Ф. Лошара

Музей им. А. Н. Радищева,
Саратов

ТУРГЕНЕВ НА ОХОТЕ

Шарж А. П. Боголюбова,
декабрь 1879 г.

Воспроизводится с фотографии
парижского фотографа Ф. Лошара

Музей им. А. Н. Радищева,
Саратов

вдруг раскрыл ее и громко сказал «Осторожно!» и опять пребывал в прежней дисциплинарной бдительности. «Это, ежели и не с натуры взято, то очень занятно составлено», — сказал Тургенев. А я говорю ему: «Но ваш рассказ об „отчитывании“ попом Яковом дворецкого Семена я никогда не забуду и удивляюсь, как вы его не напишете золотым вашим пером». — «Этого рода поэмы я вам предоставляю», — сказал Иван Сергеевич, — ежели хотите». Что я и сделал, но только, конечно, неумело и куда не так колоритно, как передавал нам сам автор в таверне «Пуаро»³⁹.

⟨1881 г.⟩

Вернувшись из Италии в Париж, я попал, как нарочно, в страшную передрыгу⁴⁰. В день моего приезда мне сказали, что у нас в Обществе сегодня будет литературный вечер и что будет читать Иван Сергеевич Тургенев свой новый рассказ. От такой прелести, хотя и будучи уставшим от дороги, я отказаться не мог и пришел в Общество часов около 10-ти вечера, застав мастерскую нашу полную народа. Вглядевшись поближе, вижу все незнакомые лица, в особенности в числе дам. Все были какие-то коротко стриженные, плохо умытые, оде(тые?) также (?) и нечесанные. Спрашиваю секретаря нашего, художника Сакса⁴¹: «Что это за народ?» Он отвечает как-то робко: — «Право, не знаю!» — «Да кто их звал и ввел?» — «И этого не знаю, сами пришли». Налево вижу сидит старик длинноволосый. — «Это кто?» — «Лавров! — коновод нигилистов и царевубийц». — «Да как он сюда попал?» — «Говорит, что его пригласил Иван Сергеевич». — «А сам-то он будет?» — «Нет, прислал сказать, что заболел». — «Но что же будут здесь делать, коли принципала нашего нет?» —

«А вот г-жа Луканина ⁴² будет читать что-то, да поэт (еврей)». — «Да что он прочтет?» — «Спросите его». — Отвечает: «Стихи свои»⁴³. Обращаюсь к своим товарищам комитета и говорю: — «Господа, да что это за вечер?» — Говорят: «Да это Сакс устраивает, он вел переговоры с Иван Сергеевичем, он и приглашал всех». Конечно, надо было бы поступить энергично, заявить, что по болезни Тургенева вечер отменяется, но так как я еще не вошел в свои права председателя комитета, то должен был молчать, хотя у меня была идея в случае упорства взять и потушить газ, но все на меня закричали — «Скандал, скандал!» Ну, вот и началось чтение. Вышел поэт, еврей-прохвост и вместо стихотворения о луне и ночной росе прочел, как Каракозова вели на виселицу и его думы. Я ахнул! Подхожу к нему и говорю: «Вы поступили против программы. Это очень может дурно отразиться на Обществе нашем, цель которого мир, но не революция». Он поблбднел, взял шляпу и ушел сейчас же, сказав что-то Лаврову, который, в свою очередь, встал и гордо вышел. Мало-помалу, несмотря на то, что читала какую-то скуку г-жа Луканина, все стали расходиться, и скоро остались только наши художники и некоторые члены. Дело было дрянь. Начались совещания. Г-н Сакс, конечно, удрал и решено было идти к Ивану Сергеевичу мне, дабы рассказать ему о приходе Лаврова и чтении поэта. Наутро в 10 часов я был у Тургенева. На моей карточке я ему написал: «Дело очень важное». Несмотря на тяжелую подагрическую боль, он меня принял. Лицо его было страдальческое, и мне больно было нарушать его покой, а потому скоро-наскоро я ему рассказал наш инцидент и говорю: «Так это вы пригласили Лаврова?» — «Да я ему сказал дня три тому назад, что буду читать в Обществе мой рассказ и только». — «Но, чёрт его возьми, приглашают одного, а этот нахал сам лезет к нам и навел с собою всю свою челядь». Помолчав немного, он сказал: «Но вы не беспокойтесь, всю вину я беру на себя и постараюсь дело устроить как следует. Сейчас же попрошу к себе князя Орлова (посла и президента Общества) и скажу — выручайте, непременно о чем дам вам знать». Я его оставил. На другое утро получаю от князя Орлова короткую записку: «А. П. Зайдите ко мне, надо поговорить».

С князем я давно был знаком коротко, а потому и отправился к нему с полной надеждою на хороший исход дела. Но все-таки он меня встретил словами: «Как же вы не мне первому сказали об этом вечере, ведь я ваш президент?» — «Да я случайно попал на вечер, о чем очень сожалею, ибо утром приехал из Италии. Но так как Иван Сергеевич был причиною появления у нас Лаврова, то я счел долгом к нему зайти прежде всего, и по его желанию вас не беспокоил». — «Все это хорошо, но надо, чтобы у нас подобные случайности в Обществе не происходили. Я знаю, что уже об этом донесли в Петербург, и послал кому следует депешу, прося не обращать внимания. Но все-таки это нехорошо. Теперь будем мы жить по-прежнему, но, пожалуйста, охраняйте себя, да и меня». — «Да этого бы никогда не было, ежели бы я был тут, а я, к сожалению, пришел на готовое». — «Да кто же у вас тут орудовал?» — «Как вижу, секретарь Сакс». — «Ну так скажите ему от себя, что вы его в 24 часа выпроводите из Парижа, ежели это повторится».

Так дело и окончилось здесь⁴⁴. Но через день я получаю телеграмму от вора, ссыльнокаторжного в будущем, но в настоящем от подлеца конференц-секретаря Исева⁴⁵: «По воле его высочества сейчас отвечайте, что у вас читает в Обществе Лавров и кто был с ним?» Конечно, я ему ровно ничего не ответил, а сейчас послал письмо страховым на имя нашего августейшего президента в. кн. Владимира Александровича⁴⁶, где уяснил, что князь Орлов инцидент считает оконченным, что он лично уведомил об этом кого следует и что Лавров ровно ничего не читал, а я только был тут гостем, ибо утром приехал из Италии⁴⁷ <...>

Возвратясь в Париж, я рассказал как-то все мои похождения Ивану Сергеевичу Тургеневу, которому мое дело было частью известно, ибо он мне составил мой ультиматум ⁴⁸. Он очень был доволен, сказав: «Я говорил вам, что ваши саратовцы заставили меня вспомнить басню Крылова „Петух и жемчужное зерно“. Ведь город ваш, город зерновых тузов, а потому нельзя было, чтобы они отступились от своих интересов и стали сейчас на высоте решения предложенной вами задачи. А все-таки, как хотите, Саратов всегда был городом передовым, а потому передового человека он должен возвеличить в лице вашего деда Радищева, который всегда будет для них и России первым поборником освобождения крестьян»...

<1882 г.>

В художественном клубе нашем бывали вечера, украшением которых на этот раз были Иван Сергеевич Тургенев, А. Г. Рубинштейн, мадам Виардо и молодая певица г. Литвинова, она же Литвин в театральном мире ⁴⁹. Здесь в последний раз мы слушали чудное чтение Ивана Сергеевича. Затем Полина Виардо скорее сказала, чем пела, французские два романса. Эта великая артистка, конечно, утратила свой первобытный голос, но все-таки пела разговорно с таким знанием и вкусом, что все мы были в восторге.

Дивный виртуоз наш Рубинштейн сыграл Шопена и «Героик» Бетховена и аккомпанировал г-же Литвин русские романсы, превосходно исполненные молодой артисткой.

Такого вечера по общей гармонии мы никогда более не видели в нашем Обществе ⁵⁰.

<1883 г.>

К великому нашему сожалению, мы скоро узнали, что И. С. Тургенев болен и что ему надо сделать операцию. На ту пору приехал сюда известный наш врач Белоголовый, он присутствовал при операции, которую сделал известный хирург Сегон ⁵¹, сказав, что нарост, срезанный им, доброкачественный, что больной скоро оправится. Сказанное было верно. На третий день операции я был у Ивана Сергеевича. А через десять дней он уже был на ногах. Но другую речь вел наш сибиряк Белоголовый: «Это скорое заживление раны нехорошо, нарост был раковидный и, к сожалению, он скоро себя покажет в другом виде, так что господа французы напрасно себе воздают хвалу». И точно, болезнь приняла скоро другой вид и оказалась в позвоночном хребте, внутри позвонков <...>

Одновременно с Иваном Сергеевичем стал хилеть его почтенный друг Виардо, ему было уже лет за 75. Жизнь в рю Дуз была тяжка для Тургенева, и вскоре он решил переехать на дачу в Буживаль, где имел совместно с парком и домом Виардо свою виллу. Когда Тургенев оставлял свое жилье, его сносили с лестницы, а во втором этаже к двери подкатили на кресле умирающего Виардо. Друзья молча пожали друг другу руки и сказав — «au revoir», расстались навеки, ибо через две недели Виардо не стало.

Вся эта семья по принципам была вполне атеистическая и свободомыслящая, не принадлежала ни к какой религии, а потому похороны его были свободны от всякой обрядности <...>

Зная Виардо, я по-своему составил о нем высокое мнение. Первое как знатока музыки и знатока людей, ибо он из простой цыганки создал Полину Виардо великой артисткой и дал ей всестороннее образование,

которым она блистала до конца дней своих, будучи композитором и великой музыкантшей и укрепительницей талантов. Говорили про нее, что она жадна и обдирает своих учениц. Это правда, но только богатых. А бедных она учила массу, давала деньги на жизнь и пристраивала на сцены, имея громадные связи со всеми импрессарио и артистами. Назову здесь нашу Ильинскую, эту милую девушку, которую она вывела, но, честно говоря, что голос ее никогда не *⟨был⟩* для театра, но только концертный. А сколько было других ее учениц, которые получили службу через нее *⟨...⟩*

Друг Тургенева, П. В. Анненков, беседуя со мной, раз высказал еще некоторые истины о своем приятеле, которые, я думаю, никак не занесены на бумагу, а потому тоже прольют свет и усугубят оригинальность отношений Полины Виардо и Ивана Тургенева.

С юных лет, когда впервые Иван Сергеевич увлекся Полиною Виардо, два года протекли, что она почти смеялась над его страстью. Но высокий ум и талант Тургенева восторжествовали над гениальной артисткою *⟨...⟩* Жили они модно в Баден-Бадене. Рядом у Тургенева была своя вилла. Но тут случилось горькое испытание для Тургенева. М-те Виардо уступила своему цыганскому темпераменту и временно жила с принцем Баденским, от которого, как говорят, родился в свет известный скрипач Поль Виардо⁵². Перерыв этот был тяжелым испытанием для Тургенева, но через два года их отношения снова восстановились и уже не прерывались до конца жизни. Живя в Париже, мне случилось неоднократно бывать у Ивана Сергеевича в злополучные дни, когда он страдал подагрой. При входе м-те Виардо к нему я, конечно, сейчас же удалялся. Но все-таки я сейчас же замечал, как просветлялось лицо нашего страдальца и с какою нежностью и участием м-те Виардо к нему обращалась. Жизнь их, конечно, не подлежит ничьему осуждению. Тургенев помещался в третьем этаже, в двух комнатах, и был совершенно счастлив и доволен. По своему бешеному темпераменту Полина была кумиром в доме, и надо было видеть заботливость Ивана Сергеевича, чтобы быть ей приятным самыми мелочными угождениями *⟨...⟩* Обе дочери были миловидны, но м-те Шамро⁵³ больше его обожала, чем младшая ее сестра⁵⁴. Когда они выходили замуж, то мне удалось быть на обеих свадьбах. Это происходило в Eglise libre, где не было ничего поповского, но пелись чудные кантаты лучшими артистами и органом дирижировал и играл знаменитый Сен-Санс. По убеждениям родителей дети не подвергались обряду крещения, но имели дело только с мэрией. Живя в такой обстановке, Иван Сергеевич казался свободомыслящим, но я его все-таки считал верующим *⟨...⟩* *

Да, *⟨...⟩* утратили мы навсегда нашего гения-художника, великого писателя Ивана Сергеевича Тургенева! Это был не только наш человек, но и собственность Европы. Он первый понят ею дотла. Он читан на всех ее языках, как Байрон, Шиллер, Гете, как Дант, как Шекспир и Диккенс. Такой чести никто еще не доживал из русских людей. Велик Пушкин, слово его звучит в сердцах наших, но глухо и непередаваемо для других. Но все-таки от этого в минуту потери не легче на душе *⟨...⟩* Я видел в последний раз Ивана Сергеевича в Буживале, возвратясь из Питера,

* Далее следует письмо Боголюбова к брату Н. П. Боголюбову из Парижа. Оно не имеет даты, но, присоединяя его к «Запискам моряка-художника», Боголюбов снабдил его таким замечанием: «Ав., 1883 года 22. Письмо к моему брату Н. П. в ответ на его из деревни г. Суходольской-Нагорное». Возможно, подчеркнутая цифра «22» в соединении с «Ав.» (августом?) намекает на день смерти Тургенева по русскому календарю. Из письма мы опустили обращение «любезный друг» и концовку: «В следующем письме моем поговорю с тобой об А. Ф. Онегине и его отношениях к покойному». Было ли написано это обещанное письмо — неизвестно.

60, RUE DE JOUAI
PARIS

Б. П.

М. П.

Она тогда только нашла было сужатся
мало-сразу стала изобретением
Книжкина Копцова Кот Котомича —
собранные данные Удвермату Саратов
до Удверм, 9. Едкату-Браукошу:

"Израильский Аскет" Водоводы отдал
"мелко не в-свои художественные изобретения"
"собранные из картин, акварелей, мозаик,
"древних бронз, мраморов и т.п. — Водоводы
"Саратову до него в-свои изобретения было
"Внезапно пришло изобретение (так и
"судя, так и ^{судя} изобретения) Водоводы —
"которому было до изобретения изобретения
"мелко изобретения и изобретения Водоводы.
"родные ^{сво} Водоводы, родные и Водоводы
"уродливые — Водоводы не изобретения Водоводы
"Водоводы и родные до Водоводы Водоводы
"в-свои изобретения, как Водоводы Водоводы
"и изобретения Водоводы не изобретения
"изобретения Водоводы и Водоводы."

Водоводы не изобретения до изобретения

ПРОЕКТ ПИСЬМА «УЛЬТИМАТУМА» САРАТОВСКОМУ ГОРОДСКОМУ ГОЛОВЕ
ПО ПОВОДУ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ ИМ. А. Н. РАДИЩЕВА

Составлен Тургеньевым от имени А. П. Боголюбова

Черновой автограф, апрель 1880 г. Лист первый

Центральный архив литературы и искусства, Москва

21 июня 1880 г. экстренное совещание Саратовской городской думы, созванное по поводу
этого письма, приняло решение о создании Художественного музея им. А. Н. Радищева

пока не поехал в Трепор <...> Встретил там его доверенного приятеля Топо-
рова, который жил у него недели три, а потому и передал мне все, как
страдал больной за последнее время. Прибыл я часа в три, и Иван Сер-
геевич тотчас же меня принял. Тут был еще кн. Мещерский, преданный
ему человек, бывший на даче Виардо до последнего дня смерти Турге-
нева. Лежал он на кушетке на балконе, покрытый пледом. Чудное чело
его с раскинутыми волосами покоилось на высокой подушке. Глаза были

полузакрты, как и рот. С полминуты я стоял и глядел на него, но тут он меня признал и тихо сказал: «Спасибо, что пришли, Боголюбов, а завтра, пожалуй, и не застали бы». Я что-то хотел сказать, но он проговорил тихо: «Песнь моя спета, с землей все кончено у меня. Остается попрощаться с друзьями». — «А Стасюлевич не был еще у вас?» — «Нет, жду его каждый день и, ежели завтра не придет, то, то не застанет».

После этого было опять минуты две молчания. Сжалось мое сердце, глядя на этого гиганта ума, сердца, и слезы стали навертываться у меня на глазах. Тут Иван Сергеевич опять ко мне обратился: «Прощайте, Боголюбов» и протянул мне руку, которую я поцеловал. «Зачем вы это делаете? — сказал он тихо. — Вы любите людей, и я их старался любить сколько мог, так любите их всегда, прощайте». Я зарыдал и вышел вон. Такое чувство грусти повторилось со мной в третий раз — когда я закрывал глаза матери, другой — когда умерла жена, и третий — когда я простился с Иваном Сергеевичем.

Оправивсь немного, я сошел с кн. Мещерским⁵⁵ в подгорную аллею. Тут мы встретились с зятем m-me Виардо, музыкантом-композитором Дювернуа⁵⁶, который на мои слова, что Ивану Сергеевичу плохо, что вон, кажется, человек бежит за доктором, сказал очень хладнокровно: «Да, но ведь это бывает почти каждый день. Все мы знаем, что он очень болен...». Тут кн. Мещерский, настаивавший и прежде моего входа к Тургеневу, чтоб я завел разговор с ним о месте его погребения, на что я, конечно, никогда бы не согласился, прямо в упор сказал французу: «Ну, а хоронить где его собираетесь?» — «Это вопрос почти решенный. Он всегда говорил, что желал бы лежать у ног своего учителя Пушкина, но в конце концов сказал — положите меня рядом с Белинским». После Мещерский поставил вопрос, что ежели бы оправился Тургенев, то на зиму ведь ему жить в Париже в его мансардах невозможно. «Ну, да... конечно, но думаю, что он умрет прежде, но, во всяком случае, ему надо куда-нибудь уехать». Тут мы распрощались и только свиделись на похоронах Тургенева, где я сказал ему: «Обращайтесь за всем к М. М. Стасюлевичу, это честный человек, и совет его самый достойный, ибо он был другом покойного»⁵⁷. Тут я уехал вскоре в Трепор, где и жил, работая этюды. Стала надоедать переменчивая погода. Написал я и бури и затишья всякие, все время пил сыворотку, так, что мог даже работать и утром и вечером, а все-таки порешил ехать во вторник в Париж, ибо письма и газеты доходят сюда плохо, как и телеграммы.

Сижу я в 12 часов, ожидая завтрака у своего окошечка. Дом мой был прямо против церкви готической XIII века, строенной еще англичанами. Вдруг слышу звон мерный с перезвоном на разные тоны, значит, говорю себе, кого-нибудь хоронят. И точно, через пять минут раздалось хриплое блеяние причета католического. Потом шли простые люди в черных пиджаках, и, наконец, бабы в черных капюшонах и дети. Покойник был уже в церкви, где его подняли и понесли через 10 минут на кладбище. А я стал собирать свои вещи потому, что завтра еду. Первое, что попало в руки, когда я отворил комод сельского свойства, всегда со скрипом и визгом, была книга Тургенева «Первая любовь». Я машинально покружил ее, раскрыв и закрыв, да и подумал, зачем это так случилось. Но потом перешел к краскам, бумаге и прочему хламу.

Во вторник я, точно, уехал в Париж, а на другой день в десять часов пошел к фотографу, где хотел непременно, не знаю почему, узнать существуют ли клише с моих карикатур охоты у барона Урии Гинцбурга, где были две с Ивана Сергеевича и которые я дал Топорову для того, чтобы поместили в новом издании «Записок охотника», предпринятом И. И. Глазуновым⁵⁸.

Объяснив в чем дело г. Лошару, я вдруг увидел, что лицо его вытягивается и руки складываются: «Ах, как жаль, que m-t Jean est mort *». Сегодня большой артикул в „Evénement“, не хотите ли прочесть», и подал мне газету. Прочитав заголовок, я не простясь побежал к попу Васильеву. Его не было дома, но от привратника узнал, что за час до меня какие-то три молодые человека привезли гроб Ивана Сергеевича и что он теперь стоит в подвальной церкви. Я потребовал, чтобы мне ее отворили, и, точно, вижу во мраке при маленькой, едва теплящейся лампадке, стоит что-то. Стоял я перед этим полувидением, как осовелый, и, пока глаза привыкли к свету, мысль собиралась и я, точно, разглядел дубовый гроб, покрытый золотым покровом. Тут я пробыл в раздумье минут десять один, и все слова прощания с Тургеневым перебирались мною, и я как снова их слышал, и снова они тихо шептались тем, кого уже более не существует. Мальчик вернулся. Я вынул свою записную книжку, попросил его зажечь канделябр и зачертил это видение с его длинными теньями, теряющимися на сводах церкви — этого последнего жилья великого человека.

Возвратился домой. Ко мне пришли Онегин и Харламов. — «Да, как вы узнали, что я здесь, господа?» — говорю я им. — «А мы были в церкви, сторож сказал, что вы только что ушли, вот мы и пошли вдогонку». — «Грустна наша встреча, господа». — «А каковы проводы покойнику из дома его г-жей и г-ми Виардо — так и собаку любимую лучше провожают, — сказал Онегин, — ведь мы оттуда. Ничего не ели до сих пор, поднялись в 8 часов. Приехали в Буживаль с холстами, рамами тоже, хотим взойти — дворник говорит: „Никого не велено принимать“. — „Да мы к покойнику“. — „К покойнику, так поезжайте в Париж, он теперь сдан в церковь“. — „Да ведь он умер в понедельник, в час по-полудни“. — „Это правда, но вчера работали целый день, резали, зашивали доктора, ваш консул был и священник, ну и управились, а сегодня отвезли“. — „Ну, так поздравляю вас новыми хозяевами“, — сказал Онегин, — побрели на станцию железной дороги. Ждали, конечно, зашли в церковь и к вам. Дайте есть».

За завтраком я узнал следующее, что никому, кроме вышесказанных деятелей, знать не дали ⁵⁹, что приглашений никаких не будет, а о дне похорон объявится в газетах, что снята фотография, что Тургенев-скульптор ⁶⁰, племянник покойного, снял маску и руку гипсовую. И то спасибо, что, проживая в Буживале, услышал о смерти Ивана Сергеевича от своей коровницы, отпускавшей ежедневно два раза молоко покойному, что накануне при агонии был кн. Орлов с сыновьями, которого едва допустили взглянуть на умирающего. Но что единственный кн. Мещерский из русских людей был при его смерти и то потому, что ночевал на даче.

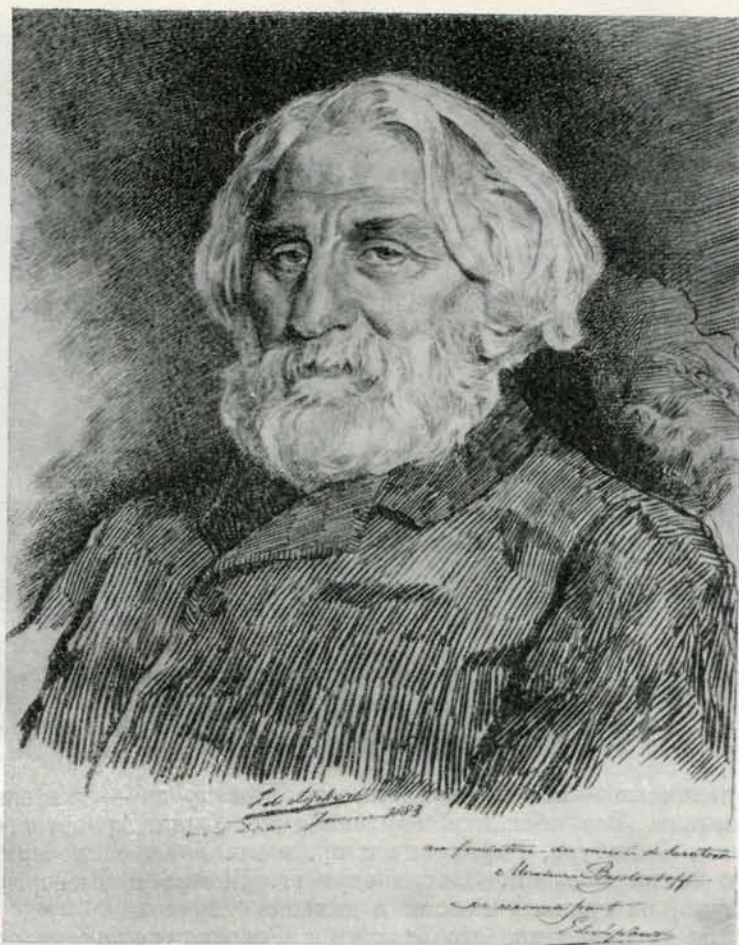
При конце завтрака пришел отец Дмитрий Васильев. От него я узнал, что похороны назначены на пятницу, что был вопрос хоронить 2-м классом, но порешили на 3-й, но про время отвоза гроба в Россию выяснит М. М. Стасюлевич, живущий теперь в Динаре и бывший час спустя по отходе Ивана Сергеевича в Буживале и которому я оставил при отъезде моем из Парижа в Трепор письмо, сообщая слова Ивана Сергеевича, а также желание его скорее увидеть. Михаил Матвеевич Стасюлевич писал мне в Нормандию, что он с час говорил с Тургеневым о его делах, но, видя, что больной утомляется, ушел, но излагал в письме надежду, что мы, быть может, еще доживем до 25 октября, дня рождения покойника, т. е. до 65 лет. Но вышло иначе. Страдания стали слишком сильны и, несмотря на свою богатырскую натуру, Тургенев уступил смерти. О похоронах в церкви не скажу много, все это известно из газет, но и они ввали, как и всегда.

* что господин Жан умер (франц.).

Например, лежал у гроба наш венок, чудесный с черной лентой, где было написано белым по-русски: «Великому художнику-писателю от О-ва художников в Париже». Ну и что ж, все газеты написали: «От французских художников». А то же самое перепечатывают в русских, так что я писал В. Стасову, прося по возможности поправить ошибку печатно. Речей не было. Орлов, считая церковь придворною, посольскою, нашел это невозможным. Да и вообще в России ведь миряне не произносят их в храмах, а говорят на кладбищах. За это его осуждали, что очень неправильно, ибо он всегда, сколько мне известно, был приятелем покойного, навещал его по первому зову, что мне слишком хорошо известно, когда случилась из-за Ивана Сергеевича наша пресловутая лавровская история <...>.

Вообще скажу, что отношения князя и Тургенева всегда были самые дружеские, и покойный не раз говорил мне, когда случалось по делам его секретарства у него что-нибудь отстоять или поправить, что такого чудного князя художники и не наживут никогда.

Отец Васильев сказал хорошую речь, где он упомянул о Тургеневе как земляке, он из Орла, так было очень прочувствованно <...> Людей, любивших покойного, в церкви было много. Почтенная старуха Тургенева, жена Николая Ивановича Тургенева, полуслепая и, поди, безногая, со своей семьей. Когда я сказал ей, что хотим открыть подписку на серебряный венок от его почитателей парижских, дав 200 франков, сказала: «Не стесняйтесь, заказывайте, а что не хватит — я всё плачу». Э. Ренан молча крепко пожал мне руку, он был очень печален, считал всегда другом покойного. Благодаря ему я с ним и познакомился и еще более сблизился благодаря М. Л. Рафалович. Много людей русских бранят m-me Виардо, ругая ее цыганкой, грабительницей Тургенева, жадной тварью, воспользовавшейся его состоянием и пр. и пр. Я не стою на их стороне и не думаю так, благодаря тому, что, бывая в их доме, мог вглядываться в интимную жизнь Ивана Сергеевича, когда случалось ее заставить у постели больного за много лет до смерти, во время подагрических припадков. Что можно было лучше поступить при его кончине, оказать более внимания его друзьям, — это другое дело, но где эти друзья, — все в разброде. Город пуст, а смерть не ждет. Да почему же и не допустить в ней эту истинную грусть, обычай страны и пр. не принимается протестующими. Жизнь Тургенева и Виардо не есть жизнь обыкновенных людей. Полина Виардо, по-моему, была с Иваном Сергеевичем истинная пара по умственным достоинствам. Что у нее нет души, что все расчет — это другое дело, хотя и недоказанное и, опять по честности, не наше дело. Был бы недоволен покойный всеми этими порочными оттенками великой певицы и трагической актрисы, он не пробыл бы под одной с ней крышей более сорока лет, не сносил бы ее дикого характера и обид (как это говорится другими) и даже унижений. Нет, все это было для него ничтожно перед теми высокими достоинствами, которые приковали его к дивной женщине — безобразной красавице <...> Другой подруги он не мог иметь, и криво судят те, которые хотели бы ему навязать свой уход и свою любовь, им присущую. Ивану Тургеневу надо было жить и любить своеобразно, так, как он своеобразно бросил взгляд на все, что сотворил, и тем себя увековечил. А деньги, дачи, дома, имущество, оставленное им, — все это вздор, все это бледно перед 42-летним чувством привязанности и хоть единым мгном наслаждения ума и сердца, который ему дала m-me Виардо. А потому вопроса о духовной и о том, почему Иван Сергеевич не оставил чего Я. П. Полонскому или на школы и пр., подымать никто не в праве. Все это было его, и он полный властелин своего добра. Говорил мне кн. Мещерский, что при разговоре с покойным он вывел заключение, что Иван Сергеевич хотел знать мнение m-me Виардо, где быть ему

ТУРГЕНЕВ

Рисунок Э. К. Липгарта (перо). Париж, январь 1883 г.

Внизу подпись художника: «Э. де Липгарт, улица Дуз, январь 1883», — и дарственная надпись: «Основателю Саратовского музея господину Боголюбову признательный Э. де Липгарт» (обе надписи на французском языке)

Музей им. А. Н. Радищева, Саратов

погребенным, и что ежели бы она сказала, что фамильный Монтмартский склеп соединит их бранные останки навсегда, то Тургенева Россия не получила бы. Он ждал этого решения, но его не последовало. Этому я, пожалуй, и не верю, хотя допускаю, что душа Ивана Сергеевича могла требовать такой последней ласки. Но ежели так не получилось, то надо уметь опять понять слова м-г Дювернуа: «Тургенев принадлежит России, а не нам одним. И ежели бы мы вздумали хоронить его у себя, то заслужили бы справедливый гнев всего русского общества» <...>

Похоронили мы Ивана Сергеевича совершенно по-православному⁶¹. Протоиерей нашей посольской церкви Д. В. Васильев, будучи земляком покойного, сказал над гробом прекрасное слово, где в массе обрисовал сердечную доброту Тургенева и любовь к ближнему. Палатка была достойна Ивана Сергеевича, черная, глубоко траурная. 12 громадных канделябров ее освещали. Вместила она 1000 человек народа линией. Вереница довольно потрепанных людей взошла с достоинством и возложила

Madame Pauline Viardot
sera chez elle les Jeudis soir:

8, 15, 22, 29 Avril

6, 13, 20, 27 Mai

à 9 heures et demie. 243. Boul. d. St. Germain.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА ПОЛИНЫ ВИАРДО

На обороте — рисунок А. П. Боголюбова

Центральный архив литературы и искусства, Москва

венки с надписью — это были нигилисты или лучше — жители Латинского квартала. Все обошлось благополучно, были Арапетов, Стюрлер, гр. Капнист, Гинцбург, Рафалович и пр. и пр. А в 8 ч. вечера гроб отравили с тихим поездом. Завтра едут гг. Шамро и Дювернуа, зятя м-ме Виардо, на границу России и дальше <...>

М-ме Шамро проводила его останки в Россию, где друзья покойного, как г. Стасюлевич и другие, его встретили и погребли рядом с церковью Волковского кладбища подле профессора Кавелина. А как все это произошло в Петербурге, то следует прочесть современные газеты, в которых подробно описано это знаменательное событие. Рисунок тушью, неоконченный, я отдал в альбом Общества русских художников в Париже ⁶².

Спустя некоторое время после всех печальных событий я поехал в Буживаль к м-ме Виардо. Приняла она меня очень ласково, чего я вовсе не ожидал, ибо газетные статьи, в русских журналах, да и многие частные люди, доброжелатели Ивана Сергеевича, не очень-то лестно отзывались о великой артистке. Все громко роптали, что, кроме своего родового имени, он оставил все свое состояние м-ме Виардо, а главное — право на издание его сочинений, которое сейчас же было куплено Глазуновым за 50 тысяч рублей. Кузничик-музыкант Я. П. Полонский тоже претендовал, что как-де Тургенев так ласкал его жену и ей ничего не оставил. Осуждали Ивана Сергеевича за недостаток патриотизма, говорили, что он только на словах любил русского мужика, но на деле забыл его. Были дамы, которые сожалели о его смерти потому, что он им обещал занести в их альбом свое славное имя и надул! Но вот что высказала мне весьма спокойно с полным достоинством гениальная подруга жизни нашего незабвенного Ивана Сергеевича: «Какое право имеют так называемые друзья Тургенева клеймить меня и его в наших отношениях. Все люди от рождения свободны, и все их действия, не приносящие вреда обществу, не подвержены ничьему суду! Чувства и действия мои и его

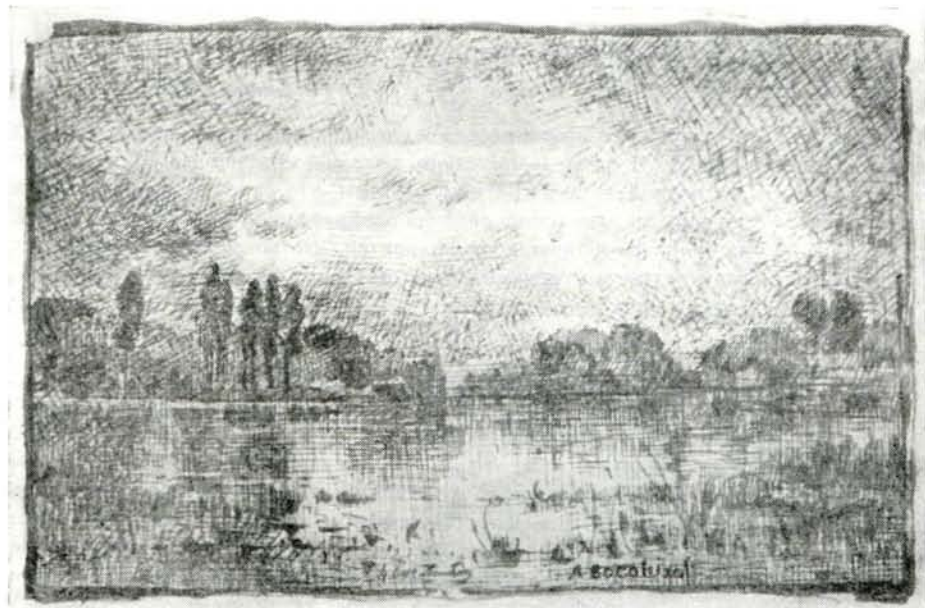

РИСУНОК А. П. БОГОЛЮБОВА НА ОБОРОТЕ ВИЗИТНОЙ КАРТОЧКИ ПОЛИНЫ ВИАРДО

Тушь, перо

Центральный архив литературы и искусства, Москва

были основаны на законах, нами принятых, непонятных для толпы, да и для многих лиц, считающих себя умными и честными. Сорок два года я прожила с избранником моего сердца, вреда разве себе, но никому другому. Но мы слишком хорошо понимали друг друга, чтобы заботиться о вреде и что о нас говорят, ибо обоюдное наше положение было признано законным теми, кто нас знал и ценил. Ежели русские дорожат именем Тургенева, то с гордостью могу сказать, что сопоставленное с ним имя Полины Виардо никак его не умаляет, а разве возвышает. Мерзавцы говорят, что я обобрала Тургенева, не зная, что меж нами есть залого, которые уничтожают всякий материальный расчет, принадлежащий нам обоюдно».

Бывая у Ивана Сергеевича и будучи знаком с домом Виардо, я никогда не мог думать, чтобы эта *femme sapiente* * была со мной так любезна и откровенна, что мне дало право посещать ее. И, к удивлению, я увидел, что единственный русский человек из ее знакомых, продолжающий знакомство, — это я. Вскоре дом на рю Дуэ, где жили Иван Сергеевич и Виардо, был продан. На месте его теперь стоит громадный шестизэтажный.

Оставляя свое жилье, Полина Виардо оставила мне письменный стол и кресло, за которым сидел и работал наш русский гений. Отдала мне его клеш-блузу, перо, чернильницу, а потом берет и тогу Кембриджского университета, где он был почетным членом⁶³. Отдала некоторые его книги, обещала рукописи, но, кажется, их у нее кто-то купил. Все эти реликвии я бережно собрал и препроводил в Радищевский музей, где стоит бюст Тургенева работы Антокольского в углу, носящем имя «Угла Тургенева». На стене висят его портреты и рукописи, а также «письма» п-ше Виардо о даре музею его утвари⁶⁴. Итак, не в г. Орле, где родина Тургенева, хранятся о нем дорогие вещественные воспоминания, но под сенью А. Н. Радищева, которого Иван Сергеевич всегда высоко ценил.

* мудрая женщина (франц. и лат.).

П Р И Л О Ж Е Н И Е

БОГОЛЮБОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

<2> 14 февраля 1882 г. Париж.

...Очень мы были заняты все время весельем, дав два концерта, весьма удачных, с Виардо, Рубинштейном и Тургеневым. Теперь делаем выставку на бойком месте, около оперы, в новой улице Avenue de l'Opéra. Думаем, что будет недурно, хотя уже очень ужасных картин нет, но зато будут средние одобрительного свойства. Конечно, И. С. Тургенев пустит брандера в газетах, где заявится, что вовсе не хотим удивлять публику, но идем своим трудовым годовичным отчетом ⁶⁵...

ГРМ, Секция рукописей, ф. 15, ед. хр. 6.

БОГОЛЮБОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

<8> 20 декабря 1882 г. Париж.

...Во всей этой негодии принимал живое участие наш секретарь Иван Сергеевич Тургенев ⁶⁶. Ему я уже давно и не раз сообщал намерение передвижников выставляться в Париже, высказанное мне вами, Репиным, и, наконец, Брюлловым вместе с членами правления. Хотя и больной, но он, Тургенев, за прошлый вторник прибрел в собрание, что нас всех немало порадовало, причем я его просил помочь делу нашему своим пером, дабы вы все, господа, были бодры духом, как и мы <...>

Иван Сергеевич написал вам более духовной сути, чем я, — ему и книги в руки, зато он, быть может, и убедит вас скорее меня, занимающегося интригами и подлыми цифрами ⁶⁷...

ГРМ, Секция рукописей, ф. 15, ед. хр. 6.

И. Н. КРАМСКОЙ — БОГОЛЮБОВУ

15 <27> декабря <18>82 г. СПб.

...что касается Тургенева, то, конечно, это честь так сказать... Шутка ли 8 страниц!!! От Тургенева!!! ⁶⁸ Все это так, но только уверяю вас, что мы бы поняли и убедились едва ли даже не больше, если бы вы написали сами.

Теперь же письма Тургенева скрыть нельзя, оно официальное, не ко мне, а в нем, между тем, есть разные наставления как себя нам вести при первом выходе в большой свет, вроде того, что, мол, калош на рояль не ставить и в руку не сморкаться. А вы знаете, какие есть теперь элементы в Обществе; и, наконец, будто уже мы в самом деле такие невежи, что не догадались бы процедить хорошенько себя, прежде чем сунуться в Париж на выставку <...>

Официальный ответ, о котором писал Тургенев, скоро быть не может, как вы знаете. Ведь он может быть дан только на общем собрании, которое бывает раз в год, именно в конце февраля, перед выставкой <...> Защитите меня, если И. С. Тургенев на меня обрушится. Я ему отвечал на послание лично и неофициально, иначе было нельзя. Уверяю вас...

ЦГАЛИ, ф. 705, оп. 1, ед. хр. 38.

БОГОЛЮБОВ — В. В. СТАСОВУ

<29 августа> 10 сентября 1883 г. Париж ⁶⁹.

Многоуважаемый Владимир Васильевич!

Известный вам немногочисленный кружок художников, проживающих в Париже, по случаю невозвратной потери своего дорогого члена основателя, члена Комитета и секретаря Общества Ивана Сергеевича Тургенева, открыл подписку следующего содержания: «Общество взаимного вспомоществования художников в Париже открывает подписку для венка из серебра, который будет возложен на гроб покойного Ивана Сергеевича Тургенева, а после похорон в Петербурге поступит в Общество русских

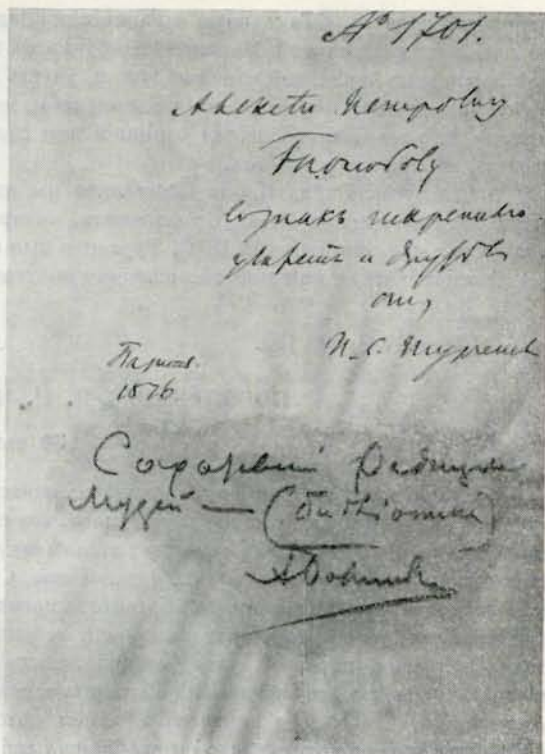
ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
ТУРГЕНЕВА:

«Алексю Петровичу Боголюбову в знак
искреннего уважения и дружбы
от И. С. Тургенева. Париж. 1876»

На форзаце книги: «Сочинения
И. С. Тургенева», М., 1874, т. I
(«Записки охотника»)

Внизу помета А. П. Боголюбова о пере-
даче книги в Радищевский музей

Музей им. А. Н. Радищева, Саратов

литераторов, где и будет храниться как дорогое воспоминание проживающих в Париже русских почитателей великого художника-писателя, скончавшегося в Буживале 22 августа/3 сентября 1883 года ⁷⁰.

Председатель А. Боголюбов
и члены Комитета Харламов и Онегин»

По незнанию, что такое в точности Литературный фонд, через барона Горация Осиповича Гинцбурга я получил извещение от М. М. Стасюлевича, что Литературный фонд не имеет собственного помещения и что всего приличнее нам было бы просить поместить наше дорогое воспоминание о покойнике в Публичную библиотеку на вечное хранение, почему я и обращаюсь к вам, прося покорнейше не оставить добрым содействием нашу общую покорнейшую просьбу и принять на себя все формальности, ибо мы после нашего решения обратимся к вам (форменною бумагою или просто письмом, как нам укажете) за подписью Комитета, дабы вы приняли венок от М. М. Стасюлевича по окончании погребения для передачи в Публичную библиотеку, где как заведующий и дадите ему приличное помещение. Конечно, желательно было бы, чтобы он помещался у бюста И. С. Тургенева работы М. М. Антокольского, что, я думаю, и будет нами выполнено, когда соберемся в Париже и обсудим общим собранием последнее соображение.

Другая покорнейшая просьба состоит в том, что почти все французские газеты, описывая обстановку гроба Тургенева в парижской церкви, напечатали, что из замечательных венков был венок от французских художников, где на черной ленте была надпись в память великому писателю. Это сущий вздор, весьма для нас обидный, о чем необходимо петербургскую публику уведомить, ибо какие бы мы были русские художники, дав первое место иностранным, погребая Тургенева, сделавшего для нас столько добра. Впрочем, венок этот вы увидите при похоронах — он следует вместе с гробом, сделан нарочно из бисера, дабы противостоять разрушению подолее, и при нем

находится вензель «ИТ» и лента с надписью: «Великому художнику-писателю Обществу русских художников в Париже». Кроме этого будет венок из серебра, художественной работы, на бархатной синей подушке, участь которого и препоручаем вам всецело, прося покорнейше почтить меня уведомлением, может ли осуществиться наша мысль, и тогда, как говорено выше, мы отпишем вам официально, а о первом не можете ли сделать заявление в газетах.

О дне отъезда тела Ивана Сергеевича мы еще ничего не знаем. В конце недели ждут сюда из Динара М. М. Стасюлевича, который, вероятно, сделает все, что надо, ибо до сих пор наш дорогой И. С. Тургенев был еще во власти фамилии Виардо.

Свидетельствуя вам мое совершенное почтение, остаюсь вас глубоко уважающий

А. Боголюбов

ГПБ, ф. 738, № 113.

БОГОЛЮБОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

30 августа/11 сентября 1883 г. <Париж.>

Многоуважаемый Иван Николаевич, как известно вам, приключилось у нас событие крупное, не стало нашего доброго, честного, гениального И. С. Тургенева, который стоял при всех этих крупных качествах нашим секретарем Общества художников, в лице которого мы очень много потеряли. Думаем теперь увековечить его память каким-нибудь иллюстрированным изданием его портретов многих возрастов, его деревенским домом — Буживальской дачей, городским, наконец, мебелью его любимую. Словом, хотим, чтоб Иван Сергеевич, который будет, конечно, жить вечно, еще бы получше и подольше представлялся нам в своей земной обстановке, где мы его видели и любили. Между тем оказывается, что с него снята прекрасная фотография, когда он лежал мертвым. М. М. Стасюлевич говорил, что он изображал собой истинного бога Саваофа, а потому хочу вам предложить — не сделаете ли вы офорт ⁷¹ с нее для дешевой раздачи всей учащейся молодежи, у которой богатств нет, чтобы покупать у Беггровых и Фельтенов ⁷² рублевые, а может быть и двух- и трехцелковые фотографии. Дума, как я читал в «Новостях», уже имела в виду эту благую мысль. А вы, с вашей способностью делать подобного рода воспроизведения как никто по сходству, можете принести громадную услугу юношеству, да и всем, кто знал покойного.

Сердце радуется, читая, как его хотят встретить на родине, а здесь оно обливается кровью, видя полное пренебрежение m-me Виардо и ее семьи к телу великого человека.

Умер он в 12 часов пополудни 3 сентября, 22 августа. Повестили только консула, вечером попа. Благодаря тому, что племянник-скульптор жил тоже в Буживале ⁷³, снята рука, маска и фотография. А в среду утром, на рысях, в карете, для сего устроенной, доставили его в церковный подвал. Приехав случайно из Трепора (вам известного), я прямо побежал к попу и спрашиваю: как и что?

«Да ничего, говорит, привезли и сдали мне три человека молодые». — «А потом?» — «Ну были вы, да еще человека три, а далее ничего не знаю, объявлений никаких не будет особых, а в газетах уже говорят, что погребение в пятницу». — «Да кто же тут распорядитель?» — «Зять Виардо — Шамро, а из русских никого. Знаю, что заказали погребение 3-го разряда, и всё тут. Приходите завтра, будет служить панихиду князь Орлов, и тогда всё узнаете».

На утрое, конечно я, пришел и узнал, что, точно, похороны будут в пятницу, что и было. А Харламов раскатился туда <в Буживаль. — Н. О.> с холстом и красками рашененько в среду. Говорит ему привратник виллы боковой: «Тю-тю ваш Тургенев» — да и только. Конечно, мы все русские в негодование пришли, да ничего тут не поделаешь, баба Впярдиха бойкая, нраву не препятствуй, гнула его в бараний рог при жизни, согнула и в погребении. Ждем в пятницу Стасюлевича. Он, верно, дело наладит, и тогда определят его увоз в Россию, о котором до сего дня ничего не знаем.

Положили мы ему на гроб от Общества нашего венок с надписью: «Великому художнику-писателю от Общества русских художников в Париже». И эту надпись на черной ленте присвоила пресса проклятая французам, напечатав везде: от французских ху-

**ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ
БИЛЕТ НА НОВОГОДНЮЮ
ЕЛКУ В ОБЩЕСТВЕ
РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ
В ПАРИЖЕ 12 ЯНВАРЯ 1883 г.**

Билет подписан Боголюбовым
и Тургеневым
Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

дожников де был венок с нашей надписью. Ну, что станете делать — плутня везде. Помогите хоть вы: вам Суворин поверит, коли его попросите сделать опровержение, ей-ей, не лгу и не хвастаюсь. Можете еще прибавить, что тоже Общество открыло подписку на серебряный венок изящной работы от русских его почитателей в Париже, который желаем соединить вместе с первым, чтоб был возложен на гроб Тургенева в России. Но только второй, в силу того, что с могил у нас кресты воруют, а не то, что серебряные венки, хотим отдать его в Публичную библиотеку, о чем я и пишу В. Стасову, чтоб похлопотал <...>

Итак, ежели задумаете делать офорт, то скажите, ибо фотографии пока собственность m-me Влардо и я попрошу для вас разрешения, ибо не думаю, чтобы они стали этим торговать, а чёрт их знает, всяко можно ожидать...

ГРМ, Секция рукописей, ф. 15, ед. хр. 6.

И. Н. КРАМСКОЙ — БОГОЛЮБОВУ

5 <17> сентября <18>83 г. СПб.

Многоуважаемый Алексей Петрович,

что касается офорта, то располагайте мною. Хотя мои глаза и требуют уже внимания и попечения, но ведь Иван Сергеевич Тургенев из ряду вон, и потому я рад быть полезным при осуществлении вашей прекрасной идеи.

Грустно читать о том равнодушии, чтобы не сказать больше, какое было высказано иностранцами к Тургеневу, но это до такой степени с их стороны естественно (страшное слово, когда оно выражает противоестественный порядок), что пора бы нам к этому

привыкнуть; но, вероятно, еще не все чаши унижения мы выпили от Европы, вероятно, будут еще много других, пока мы одумаемся и порвем те отношения (отношения слуги к барину), которые мы так долго, не замечая, сносим. Это я говорю не к лицам, а к истории. Тургенев заплатил всему этому такую дань и выпил такую горестную чашу, что с него довольно, жаль только, что и на нашу долю попало <...> Здесь в обществе произошел взрыв негодования, когда промелькнуло сообщение, что Тургенев оставил права на издание своих сочинений m-me Виардо <...> Чёрт знает, что такое, и это в течение 50 лет?! Да она вздумает сказать давай миллион, и мы дадим, потому что Тургенев большой художник! А им, французам-то, что за дело, они только будут посмеиваться!

Славу богу было опровержение, а то это была бы колоссальная подлость. Мне все-таки что-то не верится. Ради бога, напишите, как и что тут правда...

ЦГАЛИ, ф. 705, оп. 1, ед. хр. 38.

В. В. СТАСОВ — БОГОЛЮБОВУ

6 <18> сентября 1883 г. СПб.

Многоуважаемый Алексей Петрович, я показывал ваше письмо директору нашей Библиотеки. И он изъявил согласие на то, чтобы в Библиотеке хранился серебряный венок, который русские художники в Париже намереваются возложить на гроб Тургенева.

Если же Антокольский даст нам в Библиотеку экземпляр своего бюста Тургенева, тогда еще лучше!

Теперь уже от вас будет зависеть распорядиться всем этим делом. В газетах, конечно, надо будет напечатать, как только все это состоится. Что касается поправки неверного показания французских газет о другом венке, то я ее сделаю (сейчас же) в «Новостях», так как с «Новым временем» не состою в сношениях, а более других больших газет нет здесь.

С совершенным почтением ваш всегда

В. С т а с о в

ЦГАЛИ, ф. 705, оп. 1, ед. хр. 70.

БОГОЛЮБОВ — В. В. СТАСОВУ

<18> 30 сентября 1883 г. Париж.

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич!

Позвольте принести вам мою живейшую благодарность за то, что вы так скоро и внимательно отнеслись к нашему общественному делу, касательно «венка», предназначенного памяти дорогого нашего Ивана Сергеевича Тургенева. В понедельник он отправляется вместе с его гробом в Россию, где один из членов семейства Виардо, сопровождающий гроб, передаст Д. В. Григоровичу, если он будет в Вержболове, после чего мы просили М. М. Стасюлевича возложить его или дать приличное место при церковной службе, после которой Михаил Матвеевич <Стасюлевич. — Н. О.> передаст его вам для помещения в Публичную библиотеку. Форменной бумаги я не могу вам доставить сейчас, ибо все художники и члены Комитета, кроме меня и г-на Онегина, в разброде. И только в первых числах октября (нашего французского) соберутся в город, а так как это дело общественное, то и прошу вас покорнейше объяснить г-ну директору, причем смею надеяться, что он так же милостиво посмотрит на несоблюдение формы, как добро отнесся к приему венка. То же должен сказать и о бюсте Тургенева М. М. Антокольского. Он в Биаррице, писал мне, что скоро будет, но, как я слышал, простудился и почему к проводам Ивана Сергеевича не будет, надеюсь, что даст его с удовольствием, и тогда с бумагой о «венке» пришлем приложение Марка Матвеевича <Антокольского. — Н. О.>. Маску и руку покойного я тоже прошу у m-me Виардо для Публичной библиотеки, если вы найдете это приличным. Она мне выразила, что все, <что> касается до упечения загробной памяти о великом нашем художнике-писателе, она считает священным долгом.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К РОМАНУ «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»

Эскизы А. А. Харламова (итальян. карандаш)

Внизу надпись рукой художника

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Ключ от ящика, где хранится венок, находится у г-на Шамро — зятя м-ше Виардо, а потому до тех пор, пока не сделаем хрустальный колпак на подушку, быть может, сочтете нужным его хранить в ящике, который получите от Д. В. Григоровича. А если хотите лично упрочить дело о руке и гипсовой маске Тургенева, то скажите слово г-ну Шамро или другому члену семейства Виардо, что еще более упрочит и ускорит их получение.

Поблагодарив вас еще раз от всех моих товарищей за вашу готовность быть нам полезным, прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

А. Боголюбов

ГПБ, ф. 738, № 113.

БОГОЛЮБОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

⟨20 сентября⟩ 2 октября 1883 г. Париж.

... Венок наш выслан Григоровичу, и мы просим, чтобы его несли в процессии художники, ежели таковые находятся от нашего Товарищества, в чем не сомневаюсь, ибо ведь надо и нам почтить память великого художника-писателя. В. В. Стасову большое спасибо, он поместит венок в Библиотеку, так что изящная наша память Тургеневу не пропадет. Вчера были пышные проводы тела покойного на железной дороге (Северной). Палатка была вся глубоко траурная, роскошная, говорились речи. И все прошло благополучно. Дай бог того же и у нас...

ГРМ, Секция рукописей, ф. 15, ед. хр. 6.

Я. П. ПОЛОНСКИЙ — БОГОЛЮБОВУ

〈Осень 1883 г. Петербург〉⁷⁴

Многоуважаемый друг, Алексей Петрович!

Пишу к вам от избытка горечи, накопившейся в душе моей. Тяжело мне было терять последнего друга, но еще тяжелее было потерять его доверие в такую минуту, когда я охотно бы взял на себя его страдания и умер бы за него...

Это лето я был в окрестности Одессы и на Андреевском лимане, где лечил свою больную ногу, получил письмо от Ивана Сергеевича, писанное рукою мадам Виардо — и, когда прочел, долго не верил глазам своим. Старый друг, который паче всего любил меня за правдивость, упрекает меня в том, что я из Спасского увез его бумаги и что если я их не уничтожу, то он лишит меня своей дружбы...⁷⁵

Чтоб пояснить вам это, скажу вам следующее.

В 1881 году я и вся семья моя провели лето в Спасском вместе с Иваном Сергеевичем. Я уехал из Спасского раньше — жена и дети остались. Затем Иван Сергеевич, уезжая, указал жене моей на письма своей матери и на кой-какие черновые свои рукописи и сказал ей: «Возьмите все это и сохраните, так как боюсь умереть в октябре месяце». Жена моя, конечно, ничего на этот раз не взяла, ибо вполне была уверена, что Иван Сергеевич на следующий год сам вернется в Спасское.

Пришел следующий 1882 год. Наступило лето, Тургенев стал письменно опять приглашать нас в Спасское, присылал даже Анненкова уговорить нас поехать к нему в деревню. Мы не хотели ни за что ехать к нему в его отсутствие, но, когда он написал нам, что сам надеется быть в Спасском и чтобы мы его там ожидали, жена моя и дети поехали...

Можете вообразить себе, с каким нетерпением ожидали мы выздоровления нашего дорогого друга, но увы! С каждым письмом от него теряли надежду все более и более... Наконец, он писал нам в таком безнадежном тоне, что жена пришла в отчаяние.

Между прочим Иван Сергеевич писал своему управляющему передать жене моей все книги, и жена моя тогда только решилась достать из стола и взять на сохранение те бумаги, на которые он указывал, когда управляющий сказал ей, что он покидает Спасское и что едва ли вернется...

И, конечно, жена моя никак бы на это не решилась, если бы: во-1-х, сам Иван Сергеевич не писал ей от 5 октября 1881 года следующего: «Начну с того, что подтверждаю сделанное мною вам обещанье и, отправляясь в Петербург (что будет, вероятно, в конце февраля), повезу с собою разные бумаги и письма, которые оставляю вам, иные для хранения, другие для уничтожения после моей смерти, которая, однако, несмотря на предчувствие, не явилась за мною в ночь с 1 на 2 октября. На это вы можете с уверенностью рассчитывать».

Кажется ясно — Тургенев не только одобрял то, что жена моя взяла кое-что из бумаг его, но еще обещал ей *передать все свои бумаги*.

Что же означает это письмо, продиктованное м-ше Виардо? Я никогда ничего не брал... я даже ни разу не полюбостствовал и взглянуть на эти бумаги. Письмо это — увы, последнее письмо! — начинается так: «Mon cher ami, je t'écrit par l'entremise d'une personne qui ne te connaît pas et qui ne te connaîtra jamais»*. Чёрт возьми! Как это одно начало меня обидело! Точно у меня нечистая совесть. Но, положим, Иван Сергеевич вернул свою досаду на меня этой мне неизвестной особе, отчего же особа эта всем об этом разболтала, и теперь говорят в Петербурге, что Полонский обокрал Тургенева — увез из Спасского его бумаги. Придется оправдываться документами и... вы себе представить не можете до какой степени я огорчен таким подозрением.

ИРЛИ, ф. 11835, LXIX, б. 1.

* «Мой дорогой друг, пишу тебе при посредстве особы, которая тебя не знает и которая никогда не узнает тебя» (франц.).

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ОЧЕРКУ «СТУЧИТ!»

Рисунок М. М. Антокольского, 1882

Музей им. А. Н. Радищева, Саратов

БОГОЛЮБОВ — Я. П. ПОЛОНСКОМУ

⟨8⟩ 20 января 1884 г. Париж.

Многоуважаемый Яков Петрович.

Не желая попасть в категорию гг. Виардо, так мало вежливых к вашей справедливой просьбе о возврате картин, писанных вами для покойного И. С. Тургенева, я отвечаю вам тотчас же, что приму все меры, дабы их вскоре возвратили ⁷⁶. А потом, что дадите для Саратовского музея, то приму с живейшею благодарностью, ибо устраиваю там стену, где будут только приличные памяти Тургенева предметы: портреты его, рисунки его руки, мои о нем воспоминания, его дом в Буживале и пр. и пр., что вместе с вашими картинами (хоть частью) составит прекрасное земное воспоминание, тем более, что г-жа Виардо обещала мне дать его рабочий стол и стул из помещения в рю де Дуэ.

Переписка моя с покойным Иваном Сергеевичем не была серьезная, но все-таки между его рукописями есть несколько интересных слов о художестве. Но более дела наши ограничивались благотворительными целями — то он меня просит приискать что-нибудь бедняку, то я его. Почему недаром, видно, за неделю до смерти он подарил меня известным словом: «Любите людей, как я их любил. Я знаю, вы добрый человек!» Последнюю фразу я оставляю для себя и говорю разве только таким людям, которые не перетолкуют ее в ущерб дружбы ко мне покойного, которую я всегда высоко ценил, но никогда ею не кичился для света.

Отношения свои с м-м Виардо я сохранил довольно порядочно. Вижу ее не часто, но, как кажется, она меня не презирует, а потому и надеюсь дело ваше устроить доб-ропорядочно, разве у ней личные есть какие-нибудь виды на труды ваши, то тут едва ли что поделаешь, ибо характер этой дамы очень цельный, как сами знаете.

Предложение барона Гинзбурга купить дом в рю де Дуэ для Общества художников несбыточно, ибо за эту рухлядь хозяйка хочет 300 тысяч fr., а у нас ничего нет, разве барон сам придумает какую-либо счастливую комбинацию, а без нее мы ничего не сделаем. В клубе художников придумываем что можем. Хотим устроить стипендию имени Тургенева для художников. Открываем подписку, в которой примите и вы участие, распространением ее между почитателями покойного.

Слухи ходят, что идет сбор на надгробную плиту и решетку в Петербурге с надписью «Тургенев» и ничего более. Положим, что простота дело хорошее, но, кажется, что-нибудь высокохудожественное на могиле Ивана Сергеевича не умалило <бы> силы простоты: можно быть скромным и в тонком изяществе, что вовсе не мешает будущему парадному памятнику. Ведь все могилы великих людей не покрыты только плитой, но где только можно, то в нынешний художественный век везде принято делать вековые работы мастеров, а не каменотеса Баранова, да решетчика Сидорова, или хуже. Если у вас думают, что это вопрос денежный, то очень ошибаются — я знаю здесь много французов, поклонников таланта Тургенева, которые сейчас же дадут их, ибо Иван Сергеевич — не только русский, но и европеец! А мне кажется, что это просто квас — да и не домашний, а лавочный, куда ведрами льют воду, — ну и разжидили.

Впрочем, это только мое личное соображение, да частью здешних художников, а у вас другие воззрения на Волково кладбище и на народ, который надо останавливать, по-моему, силою впечатления наглядного, чтобы он спросил: кто здесь лежит, пока не научился читать и знать Пушкиных и Тургеневых.

Поздравляю вас с Новым годом и желаю доброго здоровья и счастливых дней. Ежели что выручу, то доставлю в мае, когда приеду в Петербург, но ведь всё в руке божьей, а потому не загадываю очень. Спасибо вам за память и доброе душевное слово, примите от меня такое же и верьте глубокому уважению к вам душевно преданного

А. Боголюбова

ИРЛИ, 11825/LXIX, б. 1.

БОГОЛЮБОВ — В. В. СТАСОВУ

<26 декабря 1887> 7 января 1888 г. <Париж> 77.

...Обращаюсь к вам опять не по моему делу, а по просьбе моего приятеля А. А. Харламова, дабы вы взяли на себя труд вновь подаренный г-жею Полиною Виардо Обществу вспомоществования литераторам портрет покойного Ивана Сергеевича Тургенева, писанный Харламовым, выставить на передвижной выставке, что будет в Пасху на первой неделе.

Как говорила мне г-жа Виардо, дело шло через г-на Герарда, которого вы, конечно, знаете (я не знаком с ним), а потому через него можете получить все подробности отправки портрета и его получения, кому и как. А в случае, если я ошибся, упоминая о Литературном фонде, то отыщите сами, куда сдали портрет.

Извините, что обращаюсь к вам с этою просьбою, но вы обращаетесь постоянно в кругу писателей, а потому легко можете оказать услугу и передвижникам и художнику, ибо в свое время портрет этот имел большой успех в Парижском Салоне <...>

Р. S. Передайте при свидании Репину или кому другому из наших, чтобы сообщили это желание Харламова и в Комитет, который бы счел себя уведомленным.

ГПБ, ф. 738, № 113.

В. В. СТАСОВ — БОГОЛЮБОВУ

16/28 янв<аря> 1888 г. СПб.

Глубокоуважаемый Алексей Петрович, эти строки мои будут вам доставлены М. М. Антокольским; я должен просить его о том потому, что по русской привычке, на которую всегда так жаловался Тургенев, вы неставляете на письме своего адреса.

Мне же справиться трудно и долго. Итак — приступаю к своему делу. Во-первых, глубокая вам благодарность за ваше милое и изящное письмо. Конечно, этот листик с картинкой я передам в Публичную библиотеку вместе с другими, подобными же ⁷⁸. А раньше того я давал ваше письмо на прочтение в заседание передвижников, и они мне поручают сказать вам, что они с великим удовольствием исполнят ваше желание отнositельно портрета Тургенева, написанного Харламовым, и вы можете считать это дело выполненным, но, главное, они находят, что Харламов как член Товарищества имел и сам полное право прислать на выставку что пожелает, и это было бы исполнено.

ЦГАЛИ, ф. 705, оп. 1, ед. хр. 70

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Иван Николаевич Крамской сблизился с Боголюбовым в середине 70-х годов. В 1872 г. Крамской нарисовал карандашом портрет Боголюбова, который тот подарил Академии художеств (сейчас местонахождение портрета неизвестно).

² Илья Ефимович Репин, несмотря на разницу возрастов, был дружен с Боголюбовым, который крестил его вторую дочь, Надежду, родившуюся в Париже 30 октября 1874 г. Написал два портрета Боголюбова (находяться в Саратове в Музее имени А. Н. Радищева). «Боголюбов очень много делает для русских молодых художников: достает работы и печется как об своих детях, спасибо ему, молодец. Без него русским было бы плохо (художникам)», — писал Репин В. В. Стасову 16/28 декабря 1874 г. (И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, I. 1871—1876. М.—Л., 1948, стр. 108).

³ Василий Дмитриевич Поленов сошелся с Боголюбовым в Париже во время пенсионерства в 1874 г. Первое время пребывания в Париже Поленов работал в мастерской Боголюбова на рю де Рома, 95. Поленов считал Боголюбова в какой-то степени своим учителем: «Благодаря его примеру, с одной стороны, а с другой — опытным и добрым советам, очень многое, бывшее прежде для меня неясным, стало понятным и простым. Работая с натуры летом вместе с ним и сравнивая свои этюды с его мастерскими произведениями, я научился в несколько часов большему, чем работая месяцы один» (письмо Поленова к П. Ф. Исееву от 16/28 февраля 1875 г. — Е. В. Сахаров а В. Д. Поленов. Письма, дневники, воспоминания. Изд. 2-е. М.—Л., 1950, стр. 73—75). Портрет Боголюбова работы В. В. Матэ висел в кабинете Поленова вместе с портретами учителей его — И. Н. Крамского и П. П. Чистякова.

⁴ Константин Аполлонович Савицкий был видным деятелем Товарищества «передвижников». По примеру Боголюбова организовал Художественное училище в Пензе.

⁵ Марк Матвеевич Антокольский жил преимущественно в Париже. В 1880 г. сделал скульптурный портрет Тургенева. В процессе работы над ним много было неполадок. В начале 1880 г. Антокольский писал С. И. Мамонтову: «...испортил бюст окончательно. От этого на душе кошки скребут. Жаль, но делать нечего. Теперь надо ждать его <Тургенева> выздоровления — авось дело поправлю <...> Когда я сказал Боголюбову, что бюст испорчен, он чуть не ударил меня за это. А если бы он это сделал, то был бы совершенно прав, тем более, что лишь накануне он был у меня и восторгался бюстом» («М. М. Антокольский, его жизнь, творения, письма и статьи». СПб.—М., 1905, стр. 413).

⁶ Иван Павлович *Похитонов* (1850—1923) — живописец-пейзажист. Жил преимущественно во Франции и Бельгии. Похитонов считал Боголюбова своим учителем и подарил ему натюрморт «Фазаны» с надписью: «Глубокоуважаемому учителю А. П. Боголюбову. И. Похитонов. 1 января 1880 г.» (находится в Саратове в Музее им. А. Н. Радищева). См. о нем запись в дневнике от 5/17 декабря 1882 г. и комментарий И. С. Зильберштейна в «Лит. наследстве», т. 73, кн. 1, 1964, стр. 393 и 405.

⁷ О Ю. Я. Лемане см. выше, прим. 30 к воспоминаниям Липгарта.

⁸ Располагая многими документами о жизни и деятельности Боголюбова, теперь нетрудно установить истинные причины (патриотизм и просветительство уже знаменитого в ту пору художника), побудившие Боголюбова создать музей в Саратове. Нетрудно опровергнуть утверждение И. Д. Смолянова, будто Боголюбов это сделал, «движимый честолюбивым желанием войти в историю путем основания Радищевского музея» (И. Д. Смолянов. Из разысканий о Радищеве. — «Радищев. Статьи и материалы». Л., ЛГУ, 1950, стр. 268—276).

Позволим себе здесь привести более полный текст из воспоминаний Боголюбова «Записки моряка-художника», которыми Смолянов частично пользуется, толкуя эти строки на редкость примитивно и тенденциозно: «Как странна судьба людей и как они не ведают, что будет с их помышлениями, деятельностью. По роду я саратовец, ибо эта губерния дала России Радищева. Он был отцом моей матери <...> Не думал я тогда, что после сделаю почетным гражданином этого города и что свяжу навеки радищевское имя со своим, устроив здесь музей и школу рисования. Тогда я был молод, только женился, и, конечно, не умри у меня жена и сын, я никогда не был бы вправе отдать все мое имущество Саратову в угоду своего самолюбия и человеческой гордости,

оставить по себе память, возвышая втоптанное в грязь имя моего деда. А с другой стороны, я всегда думал, что каждый гражданин в моих условиях обязан все свое имущество отдать своей родине, дабы возвысить образовательное дело юношества <...> Сотни бедных поволжцев получают хлеб, выучившись в стенах Радищевского музея и его художественно-промышленной школы...

⁹ ЦГАЛИ, ф. 705, оп. 1, ед. хр. 76. — Вошло, как и другие письма к Боголюбову, в изд.: Тург. АН. Письма, т. XI—XII.

¹⁰ Там же, ф. 880, оп. 1, ед. хр. 63.

¹¹ И. С. Зильберштейн и Репин и Тургенев. М.—Л., 1945, стр. 37—38.

¹² П. В. Анненков познакомился с Боголюбовым через Тургенева. Отношения их продолжались и после смерти последнего. Приехав в Париж в 1885 г., Анненков писал Боголюбову 26 марта: «Отзовитесь, художник и артист, если вы здесь. Никак не могу вас найти. Прошрое лето был в Москве у брата вашего — нет! Вот теперь четвертый день здесь — ни слуху, ни духу. Живу на прежнем месте: Rue Neuve des Capucines, Hôtel Calais, как только услышу ваш голос и прибегу. Адрес к вам взял у m-me Viardot. Павел А н н е н к о в» (ЦГАЛИ).

¹³ Неиздано. — ГПБ, ф. 82, ед. хр. 5.

¹⁴ Об этом портрете — см. выше, стр. 431—432.

¹⁵ См. также далее сообщение Н. Н. Фонаковой.

¹⁶ Панталеон Шиндлер (1846—1905) — польский художник, исторический живописец и портретист. В 1880 г. написал портрет Боголюбова (находится в музее Академии художеств в Ленинграде). Тургенев считал его талантливым. В его коллекции был пейзаж Шиндлера «Вид в Польше», 1873 г. (Каталог выставки-аукциона коллекции Тургенева 1878 г., № 27. — «Описание материалов Пушкинского Дома. IV. И. С. Тургенев». М.—Л., 1958, стр. 219).

¹⁷ Расхождение между Верещагиным и Боголюбовым произошло в конце 70-х годов из-за картин Верещагина, посвященных русско-турецкой войне. По своей всегдашней привычке Боголюбов хотел помочь Верещагину получить заказ от наследника, как это не раз он делал для Репина, Polenova и других художников. Но наследнику, естественно, не понравилось содержание картин, и он от них отказался. См. об этом в статье И. С. Зильберштейна «Выставка художника В. Верещагина». — «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 315—316.

¹⁸ Дмитрий Александрович Татищев (1824—1878) — генерал-майор, командир лейб-гвардии гусарского полка. Выйдя в отставку в 1867 г., поселился в Париже. В юности занимался живописью под руководством Н. Е. Сверчкова. В Париже писал и даже выставлялся в Салонах. В саратовском Музее им. Радищева имеются две работы Татищева: пейзажный этюд «Сен-Мало» (1870 г., подаренный, вероятно, Боголюбову, так как на этюды в Сен-Мало в 1870 г. они ездили вместе) и жанровая картинка «Возок на станции» (1875 г.). В коллекции Тургенева была его картина «Скачущий черкес» 1872 г. (Каталог выставки-аукциона коллекции Тургенева 1878 г., № 28).

¹⁹ Сестры Ге — племянницы художника Н. Н. Ге. С Зои Ге Репин в это время написал портрет. Мария Ге оставила воспоминания о Тургеневе, где упомянула об его увлечении живописью и о поразившей ее картине Бланшара «Куртизанка», которую она видела у него в кабинете (Мария Г. е. Воспоминания. (Из знакомства с Иваном Сергеевичем Тургеневым). — «Новый журнал для всех», 1915, № 2, стр. 23—24).

²⁰ О «боголюбовских вторниках» Репин писал Стасову 16/28 декабря 1874 г.: «По вторникам собираюсь у Боголюбова, бывает чело<в>к больше 30-ти, все художники, и певцы, и музыканты — не скучно» (И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, I. М.—Л., 1948, стр. 107). «Итак, жизнь сложилась хорошо, к общему нашему удовольствию, — вспоминала мать художника В. А. Серова, — мы уже стали вместе посещать салон Боголюбова, служивший центром всему русскому миру в Париже. Среди просторной комнаты стоял во всю ее длину огромный стол, на котором натянута была ватманская бумага. Все присутствующие художники занимали места у стола и усердно рисовали. Помнится, что большею частью рисунки были вольные импровизации на любые темы, избранные самими художниками» (В. С. Серова. Серовы, Александр Николаевич и Валентин Александрович. СПб., 1914, стр. 183).

²¹ Будущий Николай II.

²² Боголюбов спугнул два новогодних вечера. Блюдо с надписью «Нашему хорошему Алексею Петровичу Боголюбову от юных друзей его преподносится сей первый блин», расписанное Репиным, Polenovым, Дмитриевым-Оренбургским, Беггровым и, наверное, Константином Маковским, русские художники подарили Боголюбову под новый 1876 год. Все остальное относится к новомуднему вечеру 1875 г. Подробнее вечер описал Polenov в письме к родителям от 1/13 января 1875 г. (Е. В. Сахаров и В. Д. Polenov. Письма, дневники, воспоминания. Изд. 2-е. М.—Л., 1950, стр. 77). В саратовском Музее им. Радищева имеется рисунок (сепия) Дмитриева-Оренбургского (1875 г.), передающий встречу этого нового года. Рисунок представляет собой искусный монтаж из эпизодов вечера, так живо описанных Боголюбовым и особенно Polenovым (см. воспроизведение на стр. 445 настоящ. тома). В журнале «Всемирная иллюстрация», 1875, № 231, на стр. 163, было факсимиле гравюры К. Вейермана с рисунка Дмитриева-Оренбургского. Она несколько искажает и огрубляет оригинал.

²³ Артистические собрания в доме Виардо широко освещены в мемуарной литературе о Тургеневе. Об одном из них Репин писал 16/28 декабря 1874 г. Стасову: «Вчера был на вечере у m-me Viardot и Тургенева, больше из любопытства. Сумасшедшие французы... Вот так веселятся! По-детски, до глупости. Всего перепробовали: начали с пения, музыки, потом импровизировали маленькие пьески (Тургенев тут отличался, сколько в нем молодости и жару!!!), фанты и кончили танцами. Всех превзошел в шутовстве и глупости композитор Сен-Санс (чуть на голове не ходил, танцы играл!)» (И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, I, стр. 107—108).

²⁴ В опере Мейербергера «Пророк» Полина Виардо пела партию Фидес. Подробнее см. об этом далее, прим. 5 к воспоминаниям Фори.

²⁵ После лета 1877 г., проведенного в России и на Балканах, где Боголюбов собирал этнодный материал для картин о дунайских боях, он в сентябре приехал во Францию. Проработав до середины октября в Овере, он обосновался на зиму в Париже.

²⁶ Плевна была взята русскими войсками 28 ноября/10 декабря 1877 г. Этот день следует считать датой основания Общества русских художников в Париже.

²⁷ Горацкий Осипович *Гинцбург* (1833—1909) — банкир, близкий русским художественным кругам. В 1881 г. Крамской написал с него портрет (экспонировался на IX передвижной выставке). Известно 36 писем Тургенева к Гинцбургу 1877—1883 гг. Напечатаны в «Oxford Slavonic Papers», v. IX, 1960, p. 73—103.

²⁸ «Общество» помещалось сначала в маленькой мастерской сына Гинцбурга (рю Трезель, 17), затем Боголюбов уступил ему свою большую мастерскую на рю де Рома, 95, авеню де Клиши и окончательно обосновалось на рю де Тильзитт, 18.

²⁹ О встречах Боголюбова с А. А. Ивановым см. публикацию Г. И. Кожевникова «Из воспоминаний художника А. П. Боголюбова об Александре Иванове». — «Искусство», 1957, № 2, стр. 77—78. Эта публикация включает и небольшую часть воспоминаний Боголюбова о Тургеневе, где говорится об отношении Тургенева к Иванову, с которым Тургенев встречался в Риме осенью — зимой 1857/1858 г.

³⁰ Воспоминания об А. А. Иванове — «Поездка в Альбано и Фраскати» — Тургенев напечатал впервые в журнале «Век», 1861, № 15.

³¹ Мнение Боголюбова о Тургеневе — художественном критике разделял и Репин: «... судьба послала его <Тургенева> мне, как он есть, со всеми мелочами <...> сам он мне признался, что он плохой критик, и это верно. Он не смеет иметь своего суждения, ждет, пока скажет Виардо» (письмо Репина к Стасову от 25 мая/6 июня 1874 г. — И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, I, стр. 96). Подробно говорится об этом в кн.: И. С. Зильберштейн. Репин и Тургенев. М.—Л., 1945.

³² Отель Друо — зал, где проводились и проводятся до сих пор аукционы произведений искусства. 20 апреля 1878 г. там проходила выставка-аукцион коллекции Тургенева.

³³ Н. В. Щербань сообщает, что при посещении парижской квартиры Тургенева в 1861 г. он там видел две картины Потера и Мьериса, о которых Тургенев сказал: «Мне стоят они каждая около трех тысяч франков» (Н. Щербань. Тридцать два письма И. С. Тургенева и воспоминания о нем. — «Русский вестник», 1890, № 7, стр. 7—8).

³⁴ Давид *Теньер* (Тенирс) младший (1610—1690) — фламандский живописец-жанрист. В коллекции Тургенева была его картина «Отъезд» (Каталог выставки-аукциона коллекции Тургенева 1878 г., № 42).

³⁵ Вероятно, в начале 1882 г. по поводу пейзажа Теодора Руссо Тургенев писал Боголюбову:

«50, Rue de Douai. Среда, 9½ ч. утра.

Любезный Алексей Петрович, я должен выехать сегодня в 11 часов и потому не трудитесь приходить ко мне. Впрочем, повторяю свое поручение, так как вы столь добры, что берете на себя этот труд. За 25 000 фр. отдаю своего Руссо... Если нельзя как-нибудь иначе перебиться. Дружески жму вам руку, преданный вам Ив. Тургенев» (ЦГАЛИ, ф. 705, оп. 1, ед. хр. 76).

³⁶ У Тургенева было два пейзажа Добиньи (Каталог выставки-аукциона коллекции Тургенева 1878 г. № 9, 10).

³⁷ Тургенев имел картину Камилла Коро «Утро» (Каталог выставки-аукциона коллекции Тургенева 1878 г., № 7).

³⁸ Картина «Христос перед Пилатом» Михая Мункачи экспонировалась в Париже в начале 1881 г. По словам современного критика Иштвана Жантона: «...торговец картинами Зедегельмейер шумно афишировал Мункачи с применением всех средств американской рекламы и принимал большое участие в выработке тем новых работ. Мункачи, этот свободный и сильный талант, который выдвинулся из народа и стал крупным мастером благодаря своему изображению тяжелой доли народа, через короткое время превратился в слепое орудие торгашества, погони за прибылью. И, подобно стольким другим выдающимся дарованиям, Мункачи потерял свои творческие силы, начался быстрый упадок» (Лайош Вегварни. Михай Мункачи. Будапешт, 1957, стр. 13).

³⁹ Пересказ были «Отчитал» о старом муже (дворецкий отца Тургенева) помещен в тетради № 5 «Записок моряка-художника», так как он не интересен по содержанию

и не представляет никакой художественной ценности, а, наоборот, груб и натуралистичен, мы его не публикуем.

⁴⁰ Боголюбов приехал в Париж в начале февраля 1881 г.

⁴¹ Николай Эдуардович *Сакс* (р. 1849) — живописец-пейзажист. Известно письмо Тургенева к нему 1881 г. — «Тургенев и его время». М., 1923, стр. 323.

⁴² Об Аделаиде Николаевне *Луканиной* см. «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 417.

⁴³ Николай Максимович *Минский* (Виленкин) (1855—1930) — поэт, в 80-х годах близкий народническим кругам. Боголюбов, вероятно, имеет в виду его стихотворение «Казнь»:

Тронулась в путь колесница позорная,
Узник, как снег, побелел.
Сердце окутало облако черное,
Ум от тоски онемел...

(Н. Минский. Полн. собр. стих. в 4-х томах, т. I.
Белые ночи. СПб., 1907, стр. 109).

Тургенев писал Стасюлевичу 5/17 ноября 1879 г., познакомившись со стихотворениями Минского: «Нет никакого сомнения, что Минский настоящий, своеобразный талант: насколько в нем разовьется его сила, это покажет будущее».

⁴⁴ Об этой истории Лавров пишет в своих воспоминаниях (Т. в восп. рев., стр. 66). Пригластное письмо Тургенева к Лаврову от 21 января/2 февраля 1881 г. — см. в «Лит. наследство», т. 73, кн. 2, стр. 52.

⁴⁵ Петр Федорович *Исеев* (р. 1831) — конференц-секретарь Академии художеств (1868—1889), ярый реакционер, интриган, враг демократического, реалистического искусства передвижников, был полновластным хозяином в Академии художеств. Впоследствии обвиненный в хищениях, был сослан в Сибирь. Боголюбов старался разоблачить пагубную деятельность Исеева для Академии и русского искусства и радовался, когда Исеева сослали.

⁴⁶ В. к. *Владимир Александрович* (1847—1909) был президентом Академии художеств (1876—1909).

⁴⁷ Тургенев меньше Боголюбова опасался, что история с Лавровым повредит Обществу, хотя лично ему она много принесла неприятностей, о чем узнаем из его записки к Боголюбову:

«Любезный Алексей Петрович, мое здоровье хоть поправилось, однако не настолько, чтоб я мог выехать и прибыть сегодня вечером Rue de Tilsitt. С другой стороны «дошедшие» ко мне и дальше распространяющиеся слухи заставили меня писать к вам следующее: передайте Комитету мое сожаление о том, что приглашением Лаврова, которое сделано мною, я причинил неприятность и вызвал просьбу об отставке барона Фредерикса, что я этого никак не ожидал, не придавая приглашению Лаврова никакого значения, но уже, конечно, это видеть не положено, но, что, если барон Фредерикс будет продолжать настаивать на своем желании нас покинуть, то и мне предстало, к крайнему моему сожалению, выйти из Общества.

Будьте так любезны, передайте все это и Комитету и барону Фредериксу и прибавьте от моего имени, что я все-таки не прочь думать, что это, в сущности, незначительное дело будет предано забвению и нашему юному Обществу не предостит крушение.

Дружески жму вам руку и остаюсь искренно вам преданный *Ив. Тургенев*. Р. S. Дня через 4 надеюсь выехать» (записка не датирована. — ЦГАЛИ, ф. 705, оп. 1, ед. хр. 76).

⁴⁸ Боголюбов в 1877 г. начал хлопоты по созданию в Саратове художественного Радищевского музея и художественно-промышленной школы при нем. В связи с этим художнику пришлось преодолеть многие препятствия и сопротивление саратовских властей. Тургенев, сочувствуя начинанию Боголюбова, составил черновик одного из писем «улыбиматов» Боголюбова к саратовскому губернатору М. Н. Галкину-Враскому. Опубликован Е. А. Гитлиц в кн.: «Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева». II. М.—Л., 1966, стр. 304—306.

⁴⁹ Александра Михайловна *Литвинова* (Ольховская). Харламов писал ее портрет (был на XXXVIII передвижной выставке 1909—1910 гг.).

⁵⁰ Описанный вечер в клубе Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже был, скорее всего, встречей Нового 1883 года. Он же был последним посещением Тургенева собраний русских художников (см. запись в дневнике Тургенева от 31 декабря 1882/12 января 1883 г. — «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 394 и 415). Вероятно, текст пригластного билета был составлен Тургеневым:

«С Новым годом, новым счастьем!

Милостивый государь, комитет Общества честь имеет известить гг. членов, что устраивается по подписке (с платою не менее пяти франков с каждого участвующего) в помещении Общества (18, rue de Tilsitt) елка накануне русского Нового года, т. е. 12 сего января 1883 г. в 9 часов вечера. Желающие участвовать в этом домашнем празд-

нике благоволят доставить в Общество свои взносы до 9 января сего года. Каждый член может прийти с своей супругой и взрослыми членами своего семейства.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

Председатель А. Боголюбов

Секретарь Иван Тургенев.

(«Описание материалов Пушкинского Дома. IV. И. С. Тургенев». М.—Л., 1958, стр. 229).

⁵¹ Здесь Боголюбов неточен. Врач Н. А. Белоголовый не присутствовал при операции, которую сделал Тургеневу французский хирург Сегон 14 января 1883 г. Но Белоголовый следил за болезнью Тургенева и после его смерти описал ее ход: «Я высказал свое предположение о вероятности в данном случае мелких раковидных или саркоматозных узлов в спинном хребте и, вероятнее всего, в мозговых оболочках <...> Говорят, что при вскрытии нашли рак позвоночника, и нельзя не подосадовать, что эта весьма редкая форма болезни не была клинически прослежена с должными подробностями и что само вскрытие, по причине перевозки тела, не могло быть сделано с тою обстоятельностью, какая была бы желательна. Задолго появившиеся до смерти некоторые отклонения в психике Ивана Сергеевича, вероятно, нашли бы объяснение при вскрытии черепного мозга» («Всемирная иллюстрация», 1883, № 767, стр. 218—219). Об этой операции — см. запись в дневнике Тургенева от 15/27 января 1883 г. — «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 396, 398.

⁵² О Поле Виардо см. «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 406—407.

⁵³ Клоди Виардо, в замужестве Шамро (1852—1914) — художница, наиболее любимая Тургеневым из дочерей Виардо.

⁵⁴ Марианна Виардо, в замужестве Дювернуа (1854—1913).

⁵⁵ Александр Александрович Мещерский. См. о нем «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 418—419.

⁵⁶ Альфонс Дювернуа. См. о нем там же, стр. 399.

⁵⁷ Боголюбов в 1883 г. из своей летней поездки в Россию вернулся в июле. Последнее его посещение Тургенева и прощание с ним происходило 30 или 31 июля, о чем свидетельствует Стасюлевич: «Я приехал в Париж вечером 31 июля и нашел в своем отеле, между прочим, записку А. П. Боголюбова, от утра того же дня; он извещал меня о новом, страшном припадке с Тургеневым, и сомневался, чтобы я мог застать его живым на следующий день. Но я застал...» («Из воспоминаний о последних днях И. С. Тургенева»). — «Вестник Европы», 1883, № 10, стр. 850—851).

⁵⁸ Фотографии, исполненные Лопшаром (ателье которого находилось в Париже на рю Лаваль, 39), хранятся в библиотеке саратовского Музея им. Радищева. На одной из них Тургенев изображен в рост со спины на фоне осеннего лесного пейзажа. Подняв голову, стоит он любуясь множеством птиц, ружье направив в противоположную от них сторону. Поза выражает удивление, что подтверждает надпись: «Такого множества дичи я и не видывал». На фотографии надпись: «И. С. Тургенев на охоте. А. Б о г о л ю б о в». На второй — Тургенев нарисован плущим налево, ступая мягко, по-кошачьи, настороженно, с ружьем наперевес, как бы выслеживая дичь. Надпись гласит: «Сегодня я более собою доволен» (см. в настоящ. томе, стр. 456 и 457).

Рисунки Боголюбова, с которых сделаны эти фотографии, находятся в ГРМ. Французские подписи художника на них отсутствуют — они проставлены им тушью на снимках. Фотографии же, сделанные петербургским фотографом Шапиро и другим, имеются в ИРЛИ в двух экземплярах. Они поступили туда из коллекции А. Ф. Онегина и от наследников Я. П. Полонского.

Несколько шаржированные образы других участников охоты у Гинцбурга устроены в декабре 1879 г. в его имении Шамбодуан под Парижем, составляя альбом рисунков Боголюбова, хранящийся в Гос. Русском музее. Карикатуры эти добродушны, в них много юмора, наблюдательности и психологической тонкости. Наиболее острая из них, пожалуй, изображает самого Боголюбова — как Тартарен он показан в полной охотничьей декоративной «экипировке», при ее полной непригодности для охоты.

⁵⁹ О смерти Тургенева Боголюбов был извещен: «Тотчас после смерти были посланы депеши ко всем близким людям покойного: к П. В. Анненкову в Баден <...> к А. П. Боголюбову в Шато-д'Э, но он переехал, как после узнали в Трепор...» («Вестник Европы», 1883, № 10, стр. 853).

«Князь А. А. Мещерский, равно как гг. Дювернуа и Шамро, немедленно принялись за первые распоряжения. Омыв и одев тело покойника, они послали за модельером и фотографом, отправили телеграммы русским друзьям Тургенева, в том числе князю Орлову и гг. Анненкову, Стасюлевичу и Боголюбову. К 5-ти часам вечера явился фотограф Морель и снял прекрасно удавшиеся фотографические портреты с покойника. Г-жа Виардо и одна из ее дочерей Клавдия Шамеро сделали, сверх того, несколько эскизов головы Тургенева <...> К вечеру явился лучший в Париже итальянец-модельер. Он снял маску, которая удалась хуже фотографии» («Последние минуты И. С. Тургенева»). — «Всемирная иллюстрация», 1883, № 767, стр. 115—116).

⁶⁰ Петр Николаевич Тургенев (1853—1912) — скульптор, младший сын Н. И.

Тургенева. Им сделан слепок с лица и руки Тургенева. Модельер только отформовал их. «Петр Николаевич с самой трогательной нежностью вспоминал всегда Ивана Сергеевича. Когда однажды, в поисках за документами, я нашел в одном из шкапов спрятанную там маску Ивана Сергеевича и спросил его, почему такая драгоценная реликвия запрятана так далеко, Петр Николаевич просто ответил мне: „Я его очень любил, этого великого красивого старца, а умирая он слишком страдал, и я не могу видеть без боли дорогие мне черты, искаженные страшными предсмертными муками“» (А. А. Ф о м и н. Петр Николаевич Тургенев. — «Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук». СПб., 1912, стр. 13).

⁶¹ Боголюбов имеет в виду проводы тела Тургенева из Парижа в Россию 1 октября 1883 г. с Северного вокзала.

⁶² Нынешнее местонахождение зарисовок Боголюбовым торжественных проводов гроба Тургенева с Северного вокзала в Париже — неизвестно.

⁶³ Боголюбов допускает неточности. Мантня и берет были не Кембриджского университета, а Оксфордского, так как Тургенев получил звание доктора прав в Оксфорде.

⁶⁴ 5 апреля 1885 г. П. Виардо писала Боголюбову: «Дорогой господин Боголюбов, вы можете сейчас взять в улице Дюэ № 50 кресло и стол нашего незабвенного друга, которые я с удовольствием дарю в ваш музей. Примите уверение в моем искреннем к вам почтении и совершенной преданности. Полина В и а р д о» (оригинал по-франц. — ЦГАЛИ, ф. 705, оп. 2, ед. хр. 4).

В Радищевском музее хранится вторая записка П. Виардо к Боголюбову от ноября 1893 г.: «Дорогой м-сье, я только что нашла костюм доктора, звание которого Оксфордский колледж присвоил нашему знаменитому дорожному покойному другу Ивану Тургеневу. Я вам его подношу для вашего музея в Саратове. Если вы согласны на это, то будьте любезны взять его у меня, и он будет находиться в вашем распоряжении. Что касается меня, то я буду рада, если он окажется рядом со многими другими вещами, которыми уже обладает ваш музей.

Примите, дорогой м-сье, выражение моих искренних чувств.

Полина В и а р д о» (оригинал по-франц.)

«Уголок Тургенева» существовал в Музее до 1919 г., когда личные вещи Тургенева — стол, кресло, маску, слепок с руки, костюм доктора Оксфорда, охотничьи принадлежности — ружье и ягташ, вместе с несколькими портретами были переданы историко-филологическому факультету Саратовского университета. Оттуда в 30-х годах они перешли в музей Тургенева в Орле.

⁶⁵ Речь идет о концертах в клубе Общества русских художников в Париже и выставке произведений его членов.

⁶⁶ «Негоцией» Боголюбов здесь называет организационные вопросы и денежное устройство предполагаемой, но не состоявшейся выставки передвижников в Париже, которыми он больше всех занимался.

⁶⁷ Письмо Тургенева к передвижникам на имя Крамского от 6/18 декабря 1882 г.

⁶⁸ Имеется в виду то же письмо Тургенева к Крамскому.

⁶⁹ Из десяти писем Боголюбова к Стасову, хранящихся в ГПБ, восемь были изданы («Из переписки покойного А. П. Боголюбова с В. В. Стасовым». — «Искусство и художественная промышленность», 1899, № 12, стр. 947—958). Среди этих писем было и письмо от 10 сентября 1883 г. (стр. 948—949), которое помещено в настоящей публикации, так как оно опубликовано в журнале очень неточно.

⁷⁰ Серебряный венок Тургеневу от русских, живущих в Париже, находится теперь в ИРЛИ.

⁷¹ Намерение Боголюбова и Крамского увековечить память Тургенева изображением его портрета в офорте, вероятно, не было осуществлено. Никаких сведений об этой работе Крамского не имеется. В продаже имелся офортный портрет Тургенева работы В. А. Боброва, сделанный по фотографии, и траурная гравированная композиция его с портретом Тургенева «Живите и любите людей, как я их всегда любил». Оттиски имеются в ИРЛИ и Радищевском музее.

⁷² Беггров и Фельтен — владельцы художественных магазинов в Петербурге, в которых продавались, наряду с произведениями искусства, и принадлежности, необходимые художникам.

⁷³ П. Н. Тургенев. См. о нем прим. 60.

⁷⁴ О Полонском и его жене см. далее, стр. 605—630 настоящ. тома, а также «Лит. наследство», т. 73, кн. 2, стр. 195—248.

⁷⁵ Письмо Тургенева от 26 июня/8 июля 1883 г. Об этом эпизоде см. «Лит. наследство», т. 73, кн. 2, стр. 209.

⁷⁶ Письмо Полонского к Боголюбову, на которое последний отвечает, см. далее в статье П. Н. Фoniaковой. Там же рассказано о судьбе пейзажей Полонского.

⁷⁷ Здесь печатается часть письма, касающаяся лишь судьбы портрета Тургенева работы Харламова, но вошедшая в публикацию всего письма в уже упоминавшемся издании писем Боголюбова к Стасову.

⁷⁸ На этом письме была заставка, исполненная Боголюбовым тушью и пером, — изображающая пейзаж с лодочкой на реке Уазе.